

РУССКИЕ ЗВЕЗДЫ

**Олег
Дивов**

МОЛОДЫЕ И СИЛЬНЫЕ ВЫЖИВУТ ВЫБРАКОВКА

НОВЫЙ ДИВОВ

Олег ДИВОВ

Молодые и сильные выживут

«ЭКСМО»

1998

Дивов О. И.

Молодые и сильные выживут / О. И. Дивов — «Эксмо»,
1998 — (Новый Дивов)

ISBN 5-699-01759-3

Вашему вниманию предлагается новейшая авторская редакция романа, которую писатель считает окончательной. На горах оружия, оставшегося от цивилизации, выжили только молодые и сильные. В этом новом мире все равны. За пропуск сюда каждый сполна заплатил своей памятью. Людями, лишившимися своего прошлого, забывшими о существовании родных и друзей, овладевает жажда беспричинной агрессии. Но тот, кто хочет вспомнить больше, чем другие, должен быть самым беспощадным убийцей и просто обязан стрелять первым. Таков закон выживания в этом мире – Закон фронта.

ISBN 5-699-01759-3

© Дивов О. И., 1998

© Эксмо, 1998

Содержание

Часть первая.	5
Часть вторая.	27
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Олег Игоревич Дивов

Молодые и сильные выживут

Эта история приснилась мне. Конечно, не целиком, только самые яркие моменты. Остальное я реконструировал, а имена героев и названия городов изменил. Но в целом это остался сон. Просто некая знаковая система, расшифровывать которую можно по-разному.

Предупреждаю – сон был кошмарный.

ФРОНТИР (англ. frontier): 1) граница, 2) граница продвижения поселенцев в США.

Часть первая.

Эпилог. В здоровом уме.

Хаммер подъехал к Москве с калужского направления в ясный летний полдень. Машина у него была – черный «Хаммер» с тульскими номерами, из-за которого он, собственно, и заработал свое нынешнее имя. Черт знает какое по счету и как всегда, далекое от истинного.

Одет он был словно из салона «Мальборо Классик»: брюки, куртка, сапоги – сплошь кожа и немного замши, добротные и удобные вещи. Он подозревал, что это не совсем его стиль, но сама одежда ему нравилась. Получился удачный образ: Хаммер ни на кого не смахивал, всюду и для всех он оказывался человеком совершенно не местным. Поэтому его никто еще не принял по ошибке за родственника или знакомого. Узнать Хаммера мог лишь тот, кто вспомнил бы его лицо. Или настоящее имя.

С транспортом тоже повезло. Продукт американской конверсии жрал солярку галлонами, да и трансмиссия у него оказалась не для чайников. В серьезной грязи на этом танке можно было и утонуть с непривычки. Зато способность машины расталкивать дорожные заторы пришлась весьма к месту. Легковушки просто улетали в кювет, а грузовики он осторожно сдвигал ровно на столько, чтобы просочиться дальше.

Наконец, при случае можно было обменять диковинный экипаж на что-нибудь полезное. Разбойного нападения с целью захвата машины опасаться не приходилось. Те немногие, кого он встретил на своем пути в Москву, были озабочены совсем другим. Барахло теперь ничего не стоило, тряпок и железа хватало на всех. А самое ценное – информацию, – любой раздавал охотно и бесплатно. В надежде услышать хоть что-то дельное взамен...

Он подкатил к мосту Кольцевой дороги, под который ныряла калужская трасса, и убрал ногу с педали газа. Впереди была застава. Первая серьезная застава за всю дорогу. Блокпост. Хаммер выключил музыку и опустил дверное стекло.

– Узнаю земляков... – пробормотал он с невеселой ухмылкой.

Под мостом расположилась монументальная баррикада из железобетонных строительных конструкций. Узкий проход справа затыкал, ни больше, ни меньше, настоящий Т-80. А наверху, на мосту, стояла зенитная установка «Шилка», и ее четыре ствола таранились прямохонько новоприбывшему в лоб. Он посмотрел по сторонам в поисках живой силы, но таковой не обнаружил. И чуть влево от «Шилки» заметил массивную башню, подозрительно знакомую.

«Гаубица сто пятьдесят пять миллиметров, – пронеслось в голове. – Ничего особенного, видали и побольше. Самоходная база стандартная – СУ-100П... Интересно, как же эта штука называется? Забыл. Черт побери! А я ведь, наверное, в армии служил! И похоже, на самоходках. Ну и ну! Ай да я!»

Это открытие настолько его удивило, что он начал притормаживать с некоторым опозданием – до баррикады оставалось метров пятьдесят. И чуть не оглох, когда невидимый динамик проорал на всю округу:

– Стоя-а-ать!!!

Он резко осадил машину и, показывая свои мирные намерения, развернул ее к заставе левым бортом. Он приехал домой и собирался войти. Любым доступным ненасильственным способом.

– Ну, и кто тут у вас главный? – громко спросил он, высовываясь в окно.

– Тебе что было сказано?! – рявкнул динамик. – Тебе же сказано было не появляться здесь больше! Мы же тебя застрелим к чертовой матери, козел!

– Ничего не знаю! – крикнул гость. – Ничего не помню! И сам ты козел!

Динамик озадаченно умолк. Раздалось неразборчивое бурчание – видимо, у микрофона о чем-то спорили. Гость закурил и приготовился ждать.

– Ну-ка, скажи, как тебя зовут! – потребовал динамик уже нормальным голосом.

– Понятия не имею! – ответил гость.

– А приехал зачем?

– Да местный я! Москвич я был в прошлой жизни!

– Эй! Похоже, он проснулся! – крикнули из-за баррикады. – Может, вблизи посмотрим?

– Мужик, ты что, проснулся наконец? – спросил динамик.

– Да я уже месяц в порядке...

– Ну слава богу! Как же ты нас достал, мужик! Эй, ребята, идите, взгляните, что он за деятель такой. Ковбой несчастный...

– За ковбоя ответишь! – крикнул гость весело, открывая дверь и выпрыгивая из машины.

Через баррикаду ловко полезли молодые люди с автоматами, одетые в самые замысловатые комбинации уличного камуфляжа с джинсой и кожей.

Гость привычно сунул руку в салон и выволок наружу гладкоствольный охотничий карабин четвертого калибра.

Увидев оружие для стрельбы по низколетящим бегемотам, персонал заставы дружно спал с лица и посыпался обратно в укрытие.

– Пушку на землю!!! – заорал динамик. – Пушку на землю!!! Считаю до трех и огонь!!! Раз!...

Гость не спеша положил карабин на капот и на всякий случай поднял руки.

– Извините! – крикнул он. – Дурная привычка! Больше не буду!

– Ковбой... – прохрипел динамик. – Убили бы!

– Ну все, все! Да не буду я стрелять! Я домой хочу!

– Все домой хотят... Так как зовут тебя?

– Да понятия не имею! Сейчас вроде бы Хаммер. Но ты сам подумай – откуда у русского человека такая фамилия?

Из-под танка, непочтительно волоча за ремень тяжелую снайперку, выполз парень в черном берете набекрень.

– Я его знаю! – крикнул он наверх. – Это же Гош!

Поименованный так удивился, что даже руки опустил.

– Я что, и правда нерусский? – спросил он обалдело.

Над баррикадой появились заинтересованные физиономии.

– Да нет же! – рассмеялся «снайпер», подходя ближе и стягивая с головы берет. Винтовку он так под танком и бросил. – А меня ты не узнаешь?

– Да знаю я тебя отлично... Ты Рэдди. Игорь Родионов. Херсонская, дом один. Ой, блин...

– Ну!!! – обрадовался Родионов. – Ну, видишь! Слушай, Гош, ты Ленку мою не встречал, а?

– Погоди, погоди... – Гош привалился спиной к машине. – Вот так новости... Дай отдышаться хоть секунду. А что за Ленка?

– Да жена моя! Во! – Родионов продемонстрировал кольцо на пальце.

– Жена... – Гош зачем-то посмотрел на свою правую руку. – Знаешь, Рэдди, если честно, мы с тобой после школы ни разу не виделись.

– Обидно, – потупился Родионов.

– Извини. Скажи пожалуйста... Что это за имя такое – Гош?

– Да ты его сам выдумал. Чуть ли не в первом классе. Ты же Георгий. Забыл?

– Забыл, – признался Гош. Судя по выражению лица, он сейчас примерял вновь обретенное имя на себя и, похоже, оно ему не особенно нравилось.

– Бывает и хуже, – сочувственно кивнул Родионов. – Но реже.

С баррикады потихоньку сползали все новые и новые люди, и постепенно вокруг Гоша и Родионова собралась небольшая толпа. Парням явно хотелось как следует расспросить приезжего, но уж больно у него был удрученный вид.

– Уникальный случай, – сказал гордо Родионов. – Сижу, никого не трогаю, и вот на тебе – одноклассник...

– А ты ошибиться не мог? – вдруг спросил Гош.

– Чего?! – обиделся Родионов.

– Да нет, это я так... Я насчет имени.

– Георгий Дымов, – сказал Родионов с нажимом.

– Час от часу не легче... – буркнул Гош.

– У тебя прадед был болгарин, – объяснил Родионов. – По фамилии Димов. А здесь его в Дымова переделали. Ты сам рассказывал.

– Родионов, – печально сказал Гош. – А расстояние от Земли до Луны ты, случаем, не помнишь?

Родионов цыкнул зубом и поглядел на Гоша укоризненно.

– А начальную скорость пули у этой твоей... СВД? – не унимался Гош.

– Успокойся, – попросил Родионов очень мягко. – Я не помню совершенно ничего. Я дурак. Кретин. Полный идиот. Знаю, что у меня жена была, Ленка. Красивая. А все остальное – будто стерто.

– А про меня?.. – спросил Гош с надеждой в голосе.

– Не обольщайся, старик. Детские воспоминания мои все на месте. Но толку от них... Зато наш класс я знаю хорошо. Ты с Лехой Романовым за одной партией сидел. А я – сразу за вами.

– Кто такой Леха Романов?... – пробормотал Гош себе под нос.

– В общем, ты – Георгий Дымов, – заключил Родионов. – Отчества не знаю, извини.

– Викторович! – ляпнул Гош и сам от удивления застыл с открытым ртом.

– Процесс идет! – обрадованно заметил кто-то в толпе. – Видите, мужики, идет же!

– Это у него идет, – хмуро сообщили оптимисту. – А у меня, например, задом пятится.

Гош поднял глаза на собравшихся вокруг молодых людей.

– Мы вспомним, – сказал он негромко. – Мы обязательно вспомним все. Но знаете, коллеги по несчастью...

– Лучше бы нам и не вспоминать, – заключил все тот же хмурый голос из задних рядов.

– Боюсь, что так, – кивнул Гош.

* * *

У метро «Коньково» под ослепшим светофором прямо в центре перекрестка стоял огромный столб пыли. Даже смерч. Внутри него шла драка – кого-то там волтузили, трепали и рвали на куски. Гош сбросил газ, прижал машину к обочине и попытался разглядеть, что же впереди творится. При всей своей нелюбви к насилию, он даже слегка обрадовался. Это было первое реальное проявление жизни в полумертвом городе. Из сцепившихся на перекрестке особей никто явно не страдал амнезией и уж тем более по этому поводу не переживал. Там бурлила яростная схватка в лучших традициях «постхолокостной» литературы. Там убивали.

В центре пыльной бури здоровенная черная с белым псина, очень лохматая и явно породистая, колотила в одиночку целую стаю ободранных дворняг. Пока еще колотила. Зубами она пережевывала глотку самого крупного противника, а мощной растрепанной задницей по хоккейному бортовала тех, что поменьше. Из кучи-малы то и дело улетал вверх тормашками очередной зашибленный. От визга и хрипа закладывало уши. В воздухе парила разноцветная шерсть.

Гош осторожно подвел машину чуть ближе, опустил стекло и нашарил правой рукой свою пушку. Лохматая собака билась насмерть, но перевес был явно на другой стороне. Разнокалиберных противников Гош насчитал сначала шесть, потом сбился. Наседала стая по-дворовому крепко и въедливо. Окажись на месте лохматой какой-нибудь метрового роста профессионал-кавказец из питомника «Красная Звезда», и то ему пришлось бы туго. Хотя он не допустил бы драки. Запугал бы дворняжек до нервного поноса и падения на спину, перекусил бы для острастки пополам самого мелкого и назойливого, да и прошел бы сквозь эту стаю, будто ее и не было... Гош прищурился, но не чтобы целиться, а вслед своим мыслям, отслеживая важную информацию. «И о собаках я знаю, кажется, больше, чем положено рядовому гражданину... Черт побери, откуда? А ведь люблю я собак. Опять-таки – кажется». Он высунул ствол из окна, упер приклад в сиденье и выстрелил.

Драку разметало во все стороны, на непрощенного гостя устались обалделые морды. Не среагировала только лохматая зверюга. Наоборот, она поймала момент. Подмяла жертву под себя, навалилась всем весом, и в зубах у нее смачно захрустело.

Гош выпрыгнул из машины.

– Убью! – крикнул он, наводя оружие на ближайшую дворнягу, окровавленного и взмыленного отпрыска нескольких овчарок и как минимум одного спаниеля. Пес с визгом бросился наутек. Гош выстрелил по верху голов. Картечь с адским грохотом проломила стену придорожного магазинчика и вынесла ее напрочь. Собаки дружно взвыли и растворились в пространстве, только когти шваркнули по асфальту.

– Фу! – рявкнул Гош. – Фу! Фу, я сказал!

Победительница выплюнула изжеванного врага и облизнула с носа кровь. Псину откровенно трясло, лапы у нее подгибались. Помощь явилась в самый подходящий момент – еще минута, и красотка лежала бы распоротым брюхом кверху, и уже другие носы были бы в крови. Жадное чавканье, растаскивание лакомых кусочков по кустам... Что им, крыс не хватает? Гош поежился.

– Молодец, умница, – похвалил он. Лохматая хмуро глянула на него и разве что не кивнула.

Из шеи поверженной собаки густо хлестало красным. Она медленно отползала, давась и захлебываясь.

Гош положил ружье на капот и не спеша направился к лохматой псине.

– Тебя бы отмыть да расчесать... – сказал он ласково. – Цены бы тебе не было, прелесть ты моя.

Псина нервно сглотнула и помотала головой, совсем по-человечески. Даже не присматриваясь, по одному только сложению и форме морды Гош определил, что это сука, лет четырех-пяти от роду, очень дорогой и глубоко несчастный зверь, остро нуждающийся в ласке, расчесывании и средстве от блох. Под растрепанными ключьями на шее виднелся тонкий кожаный ошейник. Как это холеное выставочное животное адаптировалось к самостоятельной жизни на московских улицах, Гош не представлял. Но то, что собака уцелела, говорило в ее пользу.

А то, что она не боялась стрельбы и воспринимала человека как союзника, указывало на полный курс дрессировки, включая защитно-караульную службу, и отсутствие серьезных психических травм. Последнее Гоша не удивило – вряд ли на такую красивую собаку решил бы поохотиться даже самый отпетый кретин. Скорее он попытался бы ее приручить. Внутренне Гош потирал руки и пускал слюни. Судьба обворовала его по полной программе. Но она же и подбросила в утешение неплохой подарок. В том, что это именно судьба, он нисколько не сомневался.

Собака оторвалась от созерцания умирающего врага и медленно повернула голову к человеку. Хвост ее все еще висел безвольно, но кажется, животное приходило в себя.

– Здорово, красавица, – сказал Гош. – Меня зовут... Вроде бы Георгий. А тебя?

Он протянул собаке руку тыльной стороной ладони вперед, сам удивляясь, как естественно у него это получилось. Собака обнюхала руку, душераздирающе зевнула и села. Ей было, судя по всему, нехорошо. Гош присел рядом на корточки и осторожно потрепал зверюгу по холке. Сантиметров в этой холке было не меньше семидесяти, вполне прилично даже для кобеля. Гош откопал под шерстью ошейник и подтянул к себе металлическую пластинку с мелкой гравировкой. Нагнулся, чтобы прочесть, и тут его лизнули в щеку.

– Девочка моя, – пробормотал он расстроганно, мягко оглаживая собаку по спине. – Все теперь пойдет как надо, я тебе обещаю. Так... Белла. Значит, ты у нас Белла? Белла! Привет.

Услышав имя, собака вскочила, замахала хвостом и принялась рассматривать Гоша, будто спаситель повернулся к ней какой-то совершенно новой стороной.

– Белла, – повторил Гош, и тут на него с радостным воплем наскочили и принялись облизывать.

– Спокойно, детка, спокойно! – бормотал Гош, заслоняясь рукавом. – Это у тебя истерика. Это пройдет. Да все нормально! Да погоди ты, дура блохастая... Вот мы тебя вымоем, расчешем, подкормим слегка... Да, да, это я, твой папочка, я вернулся, теперь все будет о'кей...

От заставы послышался надвигающийся басовитый треск – словно оттуда несся на всех парах сильно охрипший «Запорожец». Белла тут же сползла со вновь обретенного хозяина и воинственно гавкнула на звук. Гош оглянулся. По дороге летел ярко-красный «Бокстер».

– Молодцы... – одобрительно хмыкнул Гош, поднимаясь на ноги.

Вместо того, чтобы тормозить, как все нормальные люди, водитель для начала поставил свой аппарат боком и, отчаянно дымя резиной, выписал на асфальте замысловатый крендель. Белла гавкнула снова.

– Ну, ты чего?! – крикнул Родионов, осаживая машину в двух шагах от попятившегося на всякий случай Гоша.

– Да вот... Собачку из беды выручил.

– А-а... – Родионов бросил на Беллу пренебрежительный взгляд. – Эта собачка кого хочешь сама выручит. Знаю я ее. Она тут весь район терроризирует.

– Что значит – терроризирует?

– Да жрет всех напрапалую.

– Кого это – всех?

– Ну... Кроме людей. Странно, а чего это она одна? Их две таких было. Вторая с ней ходила такая же, правда больше раза в полтора.

– Такой же расцветки? – уточнил Гош, присаживаясь рядом с Беллой и запуская руку ей под брюхо. Белла сумрачно разглядывала Родионова.

– Один в один. А ты чего там нашарить пытаешься? Вымя?

– Идиот... – прорычал Гош. – Ну вот, сбил меня...

– Да в чем дело-то?

– Да не знаю я!

– А-а... – протянул Родионов понимающе. – Извини пожалуйста. Со мной тоже бывает. Делаешь что-то на автомате из прошлой жизни, и тут как ляпнут под руку – все, ушло. Зачем делал, чего хотел – совершенно непонятно. Правда, извини. Я не нарочно. А ты, значит, в собаках понимаешь. Очень ты, старик, профессионально ее трогал. Да и вообще, она ведь людей-то к себе не того... Мы ее прикормить сколько раз пробовали – ни в какую. Самостоятельная псина. И этот, здоровый, он вроде как при ней был. Слушался.

– Когда ты его видел в последний раз?

– Неделю где-то. Или две, не помню.

– Бедная ты моя девочка... – пробормотал Гош.

– Себе возьмешь? – спросил Родионов с нескрываемой завистью. – А что тут вообще было?

– Дралась она. Против десятерых в одиночку. Я едва успел. Конечно, попробую уговорить пойти со мной.

– Счастливый, – вздохнул Родионов. – Ладно, я парням скажу, они рады будут. Мы все за нее очень переживали. Непростая ведь псина. Что за порода-то?

– Помнишь рекламу «Педигри»? Самую первую?

Несколько секунд Родионов сосредоточенно глядел куда-то в приборную доску.

– Пора мне, – сказал он вдруг. – А то они волнуются.

– Спасибо, что приехал, – кивнул Гош. – Всегда так?

– Считаю, что всегда, – уклончиво ответил Родионов.

– Я хотел спросить... Чуть не забыл. На вашей заставе учет какой-нибудь ведется?

– Кого? – хмуро спросил Родионов, думая о своем.

– Прибывших.

– Ага. С сегодняшнего дня прямо и начнем.

Гош отпустил загривок Беллы, подошел вплотную к приземистому красному родстеру и сел на корточки рядом с открытым настежь окном, в котором угрюмо насупился Родионов.

– В чем дело, старина? – спросил Гош негромко. – Я какую-то глупость сморозил?

– Так что за порода? – поинтересовался Родионов, не поворачивая головы.

– Бернская овчарка.

Родионов уныло кивнул.

– Ничего я не помню, Гош, – сказал он горько. – Ни-че-го-шень-ки. Я ж тебе сказал – полный идиот. Вот зачем у меня кольцо на пальце – это помню. А где она может быть сейчас...

– А я не знаю, где мое кольцо, Рэдди.

– У тебя, что, тоже?... – встрепенулся Родионов.

– Я безумно гордился этим кольцом, – сказал Гош очень тихо. – Куда я его дел? Его могли снять с меня только с мертвого, понимаешь? Я не променял бы его даже на жизнь.

– Ну что за глупости, старик... Кольцо – это символ, да... Но не до такой же степени.

– До такой. Вот именно до такой. Рэдди, я проснулся тридцать пять дней назад. И каждый день я плачу, как ребенок, у которого пропала мама. А на прошлой неделе вспомнил, что у меня была жена, самая прекрасная женщина на свете. И поехал сюда. И теперь уже не знаю – может, не плакать больше? Может, сразу застрелиться?

– Перестань, Гошка. Все плачут. Все хотят с собой покончить. Каждый. Каж-ж-дый. У нас вся застава по утрам ходит с красными мордами и друг на друга не смотрит. А мы-то

проснулись кто в начале лета, а кто и весной... Некоторые помнят, что у них дети были... Ты, главное, ищи. Ты плачь и ищи. Мы все ищем. Каждый как может, так и ищет. Иначе нельзя. Иначе ведь никакого выхода, да?

Белла ткнулась мокрым носом в дрожащую щеку Гоша и вздохнула.

– А у нее вот мужика убили, наверное, прямо на глазах, – предположил Родионов.

– Она собака, – помотал головой Гош. – Она умеет забывать.

– Мы тоже.

– Не так быстро. И потом, я не хочу забывать, понимаешь? Я фамилию свою забыл, я не помню, чем занимался, где жил – тоже не помню. Но любовь... Я не забуду. Ты не забудешь. Нам ведь тогда жить будет незачем, Рэдди. Окончательно незачем.

– Вот поэтому и нужно искать, – сказал Родионов твердо. – Знаешь, Гош, мне действительно пора. То есть, я уже на подходе доложил, что все нормально, когда тебя увидел, но тем более мне нужно обратно.

Гош потер ладонью глаза.

– Еще раз спасибо, что приехал. Но ты мне не сказал. Насчет учета новичков. Вы их считаете, или как?..

– Ты первый, кого мы пропустили. Единственный проснувшийся, который пришел с нашей стороны. И по-моему, двадцать пятый, кто вообще пришел. Или двадцать шестой.

– Ясно, – вздохнул Гош. – Эта антенна у тебя, это рация?

– Да. Тебе дадут. В Кремле дадут. Поезжай в Кремль прямо сейчас, там все тебе расскажут, что захочешь, и все дадут. У нас каждый человек на вес золота, ты же понимаешь. Даже такие, как я.

– Какие? – усмехнулся Гош.

– А такие, что в ноль, – не очень ясно, но вполне понятно высказался Родионов. – Зомби.

Гош закусил губу, чтобы сдержать улыбку. Уж на кого Родионов не походил, так это на зомби. Эмоции из него перли во все стороны.

– Ты, небось, заставу строил? – поинтересовался Гош, надеясь если не польстить однокласснику, то хотя бы переменить тему.

– Не-а. Понятия не имею, кто ее строил. Она была уже. И техника стояла. Откуда взялась... Тоже загадка, Гош. Все подъезды к городу закупорены. Даже наверху, на Кольцевой, все проемы в отбойнике завалены. Как будто здесь кто-то оборону держал. И не пехоту ждал, а танки. Короче, армию.

– Ты, я надеюсь, армию не ждешь? – осторожно спросил Гош.

– Почему? Вдруг припрется.

– Военные мертвы, Рэдди. Все. Поверь хотя бы на слово. Я видел. Я проехал несколько городов и везде первым делом совался в воинские части. Кругом истлевшие трупы в погонах. И знаешь, Рэдди... Очень истлевшие. Чересчур. А оружейные комнаты вскрыты, причем грубо. И разграблены. Как ты думаешь, сколько мы проболтались без понятия о себе? И чем мы занимались в это время?

– Я не пытался считать, – вздохнул Родионов. – Но с такой информацией тебе, честное слово, обязательно нужно в Кремль. Тебя ждут давно.

– Не понял? – удивился Гош.

– Не знаю, чем занимался я, пока спал. Но чем занимался ты, я в курсе.

– Совсем не понял... – упавшим голосом повторил Гош.

– Ты несколько раз появлялся у нашего поста. Два, три месяца назад. Стрелял по нам из этой своей штуковины, требовал, чтобы пропустили, и крыл матом всех московских и Бориса в отдельности. Мы уже совсем было собрались тебя пристрелить, но Борис запретил. Сказал, что нужно ждать, что ты обязательно проснешься, и тогда уж выяснится, откуда ты его знаешь, и почему так не любишь москвичей.

Гош ошарашенно молчал. Ему хотелось извиниться – но за что? Никогда он сюда не приезжал, ничего не просил, и никакого Бориса ведать не ведал.

– А этот... Борис, – пробормотал он наконец. – Борис меня помнит?

– Не знаю. Похоже, нет. Так что тебе прямая дорога в Кремль. Там наш Комитет, а Борис его председатель. Вот и встретитесь...

Гош помотал головой, стряхивая оцепенение.

– Хорошо. Я буду в Кремле завтра, – сказал он. – Слушай, а если крысы, или собаки те же, или еще что-нибудь?

– Ну?

– Ну, я стрельну, а вы опять на уши встанете.

– Мы не услышим. Ты отъедешь еще на пару километров, и мы просто не услышим. Да, кстати! Точнее, между прочим – так, кажется, надо говорить?

– Смотря, о чем.

– О бензине. Водопой с одиннадцати до шести у Храма Христа Спасителя. Помнишь, там была такая ведомственная колонка напротив? Когда еще вместо храма был бассейн? Это если хочешь, чтобы тебе культурно налили. А если готов руками вычерпывать, тогда возьми карту... – Родионов сунул руку в бардачок.

– Не нужно. Сам найду.

– Помнишь, гад? – оскалился Родионов. – Все помнишь, да? Ух, зараза!

– Полчаса назад я не знал своей фамилии, – напомнил Гош.

– Да зачем тебе фамилия, друг ты мой ситный? Да я бы сейчас не фамилию, а имя променял бы на то, чтобы помнить какую-то там рекламу столетней давности!

– А откуда бензин? – перебил его Гош.

– То есть – откуда? От верблюда. Из колонок. Там же хранилища.

– А в колонках откуда?

– В прошлой жизни налили.

– А комбинат?

– Какой?

– Нефтепре... пере... Ну, ты понял.

– Понял, но я не знаю. А зачем нам комбинат? В городе от силы триста машин. Мы даже бэтээры, и те с колонок соляжкой заправляем. У нас топлива – хоть ты в нем утопись.

– Топливо не вечное, Рэдди, – объяснил Гош.

– Выдыхается?! – прошептал Родионов с неподдельным ужасом в голосе.

– Вроде того. Разлагается. Падает октановое число.

Родионов повернул ключ зажигания, двигатель басовито затарахтел.

– Детонирует, – заметил Гош. – Отчетливо слышу, как детонирует.

– От тебя одно расстройство, мужик, – сказал Родионов, нажал на газ и, развернув машину почти на месте, умчался к заставе.

Гош встал, посмотрел на Беллу и невольно приоткрыл рот. Снизу вверх собака испытующе разглядывала свое новое приобретение.

– Хоть тебе-то я еще не испортил настроение? – спросил Гош. – Ну, и на том спасибо. И что у них здесь творится? Храм вместо бассейна... Зачем? Когда успели?..

* * *

Собака прыгнула на заднее сиденье уверенно и без раздумий. Гош восхищенно цыкнул зубом. С каждой минутой черно-белая красotka с рыжими подпалинами нравилась ему все больше и больше.

«Хаммер» объехал стеклянный павильон метро, небрежно повалил ограждение газона, потом еще одно, и оказался среди торговых палаток, выстроившихся вдоль узкой асфальтовой дорожки. Справа в низине Гош увидел знакомый универмаг и задумчиво сморщился. Он не жил в этих краях, но что-то его с ними связывало. Бывал он здесь не раз. И отоваривался в местных торговых точках неоднократно.

Нужная ему палатка стояла именно на том месте, где и должна была. Стрелять попусту Гош не хотел, и просто вышиб запертую дверь углом бампера.

– Сиди пока, – небрежно бросил он собаке, выбираясь наружу.

Внутри палатки оказалось по колено сухого корма вперемежку с крысиными экскрементами. Все коробки и пластиковые мешки были распороты и изжеваны. Самих крыс не было видно – то ли они предпочитали ночной образ жизни, то ли их спугнул шум на перекрестке.

Консервные банки оказались целы. Гош перетащил в багажник несколько ящиков из подсобки (Белла принялась, и глаза ее вспыхнули голодным огнем), взял набор гребней, большую пластмассовую миску, несколько баллонов собачьего шампуня и антиблошинных средств. Выбрал ошейник и поводок сообразно внушительным размерам и физической мощи Беллы. Увидел, что карабин на поводке слишком прочный. Нашел другой, тоже массивный, но помягче, который собака в случае чего смогла бы разогнуть, дернув изо всех сил. Задумался: а почему это важно? Внутренне пожал плечами и махнул рукой. Самой верной тактикой сейчас было не перечить тому, что говорило подсознание, а наоборот, подсматривать за собой и у себя же учиться. Заново учиться жить.

– Сначала мыться, – сказал он Белле, тоскливо уставившейся на ящик с собачьими консервами. – А то заснешь еще от удовольствия, буди тебя потом...

Следующей остановкой был универмаг. Здесь тоже не нашлось следов человеческого присутствия, только следы крысиных зубов. У крыс сейчас был трудный период – кардинально изменились условия обитания. Вымерший город вовсе не рай для зверя, питание которого завязано на отходы жизнедеятельности людей. Исчезли привычные места прикорма, негде согреться зимой. Недаром птиц на улице не видно. Городская птица с трудом обходится без вкусной помойки и теплого чердака.

Гош с наслаждением выкинул из машины ящик тульской водки и водрузил на его место упаковку «Смирновской». Разжился вкусными консервами, тщательно обследуя каждую банку на предмет вздутия. С тоской прошелся по отделу электротехники. Покопался в коробке с батарейками, зарядил ими первый попавшийся магнитофон и включил. Застоявшийся музыкальный ящик радостно взвыл. Гош присмотрелся к сроку годности на упаковке от батареек. «Май девяносто девятого. Интересно, какой нынче год на дворе. Месяц-то июль, если часы не врут. А вот летоисчисление тью-тью. Мне, наверное, уже за тридцать».

Предаваясь этим невеселым мыслям, Гош взял с полки утюг, раскокал им стекло аптечного киоска и набрал охапку таблеток от всего, чем опасался в ближайшее время заболеть. В крайнем случае, лекарствами можно было и отравиться. Панадола набралось как раз столько, чтобы угробить печень. Сутки – и готов. Откуда Гош знал об этом, он понятия не имел. Временами его пугало то, как хорошо он разбирается в импортных товарах, коих вокруг лежало выше крыши. Гораздо труднее было найти что-нибудь родное, советское, да и на том стояла надпись «Сделано в России». А на улицах повсюду красовались иностранные рекламные щиты. Похоже, за последние лет десять-пятнадцать родина Октября совершила грандиозный скачок в загадочном направлении. То ли интегрировалась в мировое сообщество, то ли подмяла его под себя. Но в любом случае, как бы ни называлась эта страна, больше ее не существовало.

Магнитофон сладким женским голосом звал по-английски на помощь доктора Дика. Гош прислушался к тексту и чуть не расхохотался. Чудесная песня. Завести бы ее на какой-нибудь комсомольско-молодежной дискотеке году этак в восемьдесят пятом... И никому, совсем никому не объяснить, что «дик» на американском сленге – член. «Черт побери, какая досада –

совершенно не помнить времени, когда прилавки ломились от барахла и звучали такие лихие песенки... Но я ведь жил тогда! Нет, я обязан, просто обязан вернуть себе память. Только вот как?...»

Громкость вдруг ощутимо упала. Батарейки выпускали дух. Гош печально кивнул своим мыслям. Разумеется, девяносто девятым на дворе и не пахло. Скорее всего, давно пора было отметить приход нового тысячелетия. А заодно и свой «тридцатник». Может, год назад, а может и два. «Все равно не застрелюсь. Не дождетесь».

В машину Гош вернулся со щемящей болью в сердце. Он миновал еще один этап на пути к родительскому дому. Можно было, конечно, оттянуть момент возвращения в юность, например, завернуть в «Охотник» и позаимствовать там нарезной карабин с оптикой – при условии, что никто раньше не подсутился. Но какой смысл? Воевать сейчас не с кем и незачем. Воевать?

...внутренности тягача наполнил оглушительный звенящий рокот – это по броне ударили пули...

Гош крепко зажмурился и до хруста в пальцах вцепился в руль. Он старался поймать воспоминание за хвост, но оно уже проскочило мимо. Несколько минут Гош пытался сообразить, что за ассоциации навели его на эту картинку из прошлой жизни: полумрак, какие-то механизмы, все вокруг жесткое и металлическое, и этот оглушительный звон, будто колотят молотком по кастрюле, надетой тебе на голову... Гош даже вышел из машины и сел в нее снова, пробуя воспроизвести ситуацию. Белла озадаченно следила за его священнодействием – иначе и назвать было нельзя то, что сейчас делал человек.

Воспоминание не вернулось. Гош сунул в зубы сигарету и вздохнул. Неподалеку отсюда его, возможно, поджидал целый ворох информации о прошлом. Но одно дело читать документы и рассматривать фотографии, а совсем другое – когда начинает работать твоя память, собственная, настоящая.

А главное, внезапное видение наверняка относилось к периоду «сна», когда Гош неизвестно чем занимался и неизвестно где разгуливал. Этот запах пороховой гари внутри машины и звонкий грохот пуль по обшивке... Гош был совершенно уверен, что в его прошлой жизни никаких боевых эпизодов не случилось. Просто знал это, и все тут. А вот что он делал «во сне»?

И чего ради он ломился в Москву, поминая недобрыми словами некоего Бориса, который тут главный?

Это, конечно, сильно: в одиночку с дробовиком против целого блокпоста.

Но как-то чересчур.

– Ладно, – снова вздохнул Гош, поворачиваясь к собаке. – Поехали тебя приводить в порядок. Да?

Собака покосилась на ящик с консервами и плотоядно облизнулась.

Гош провел «Хаммер» напролом сквозь жилые кварталы, распахивая бампером малолитражки и переворачивая мусорные баки. Настроение у него после давешнего приступа хорошей памяти установилось гаже некуда. Но вскоре, миновав широкий проспект, машина должна была углубиться в лес. Гош очень хотел почувствовать себя лучше. А в лесу, стоит лишь привлечь немного воображения, можно запросто убедить себя, что ничего особенного и не произошло.

Если, конечно, не обращать внимания на вопиющее безлюдье вокруг.

И если...

Гош нажал на тормоз. Машина выбралась из дворов, впереди был тот самый проспект, за ним раньше начинался лес.

Леса не было. На верный километр вперед простиралось грандиозное пепелище, слегка поросшее молодой травкой.

– Черт возьми! – пробормотал Гош. – Это кто здесь так погулял? Годзилла со Змеем Горынычем?... Бр-р-р... Эй, животное, ты что-нибудь понимаешь?

Животное сунулось носом ему в ухо, как будто на самом деле хотело что-то объяснить. Гош протянул руку и благодарно потрепал собаку по холке.

– Угробили мой город, – сообщил он Белле. – Стоило ненадолго отлучиться – и вот, на тебе. Ладно, зверь, поедем все-таки. Очень хочется умыться. Надеюсь, пруды не испарились, как ты думаешь, а?

Машина тронулась с места.

– Знаешь, подруга, а ведь я об этом мечтал когда-то, – сообщил Гош собаке, небрежно подправляя двумя пальцами легкий руль. – Когда совсем молодой был. Чтобы куда-нибудь всех к едрене-матери унесло. Просыпаешься однажды, а никого вокруг нет! Тишина, пустота, чистый, стерильный, яркий, залитый солнцем мир. И вот – пожалуйста... Огреб на свою голову.

Белла нервно зевнула.

– А потом я Ольку встретил, – продолжал рассказывать Гош. – И вдруг оказалось, что жизнь и без того сияет яркими красками. А все, что меня в ней раздражало – люди, в основном, – не имеет значения. И я просто был маленький, глупый и чертовски одинокий. Вот... И стало хорошо. А потом – ха-ха, – сбылась мечта.

«Хаммер» выехал на центральную аллею бывшего лесопарка и резво покотился по асфальту, перемалывая колесами головешки.

– И вот мы с тобой здесь, – резюмировал Гош. – Спрашивается, все эти несчастья для чего стряслись – чтобы я в конце концов завел собаку?!

Он свернул направо и таранным ударом прошиб то, что раньше было густыми зарослями боярышника, а теперь превратилось в сюрреалистическое черное месиво. Белла на заднем сиденье едва пошатнулась. Она явно в прошлой жизни много ездила на машинах.

– А вот с другой стороны, – не унимался Гош. – Допустим, что у меня и так была собака. Наверняка была. Тогда зачем это все вообще? Чтобы я потерял жену, имя, профессию и обручальное кольцо?! Сомневаюсь. Чтобы я принимал участие в боевых действиях? Слушай, Белла, ведь в меня стреляли! Точнее, я сидел внутри здоровой железной штуковины, а стреляли по ней. И зачем все это было? Какой в этом высший смысл? А? Молчишь? Вот то-то. Ладно, выходи, приехали.

«Хаммер» стоял на берегу небольшого пруда. Гош выпрыгнул из машины и выпустил Беллу. За бортом оказалось жарко – Гош снял куртку и небрежно швырнул ее на сиденье. Подошел к воде, присел, опустил в пруд руку.

– Нормально, – сказал он, выпрямляясь и стягивая через голову футболку. Справа из-за пояса высунулась черная рукоятка. – Верных двадцать градусов. Подойдет нам с тобой, подруга, а?

Белла зашла в воду по брюхо и принялась ее лкать.

Гош бросил футболку под ноги. Достал из-за пояса небольшой и очень красивый пистолет и уронил его в траву, туда, где она была повыше. Не спеша выбрался из сапог и джинсов. Снял трусы, скомкал их в кулаке и чуть было не швырнул в воду отмокать, но вспомнил, что у Беллы может быть хороший навык апортировки, а белье нужно беречь.

Собака зашла в воду чуть глубже и теперь, стоя в ней по плечи, шумно отряхивалась, вздымая тучи брызг. Гош усмехнулся – эта манера купания была ему хорошо знакома. Так же... «И что так же? Кто еще так же стоял на мелководье и отряхивался, поднимая радугу? И что это был за пес? Мой пес? А где он теперь? Тьфу!».

Вода оказалась действительно не слишком холодной. Гош обработал собаку шампунем, от чего та превратилась в уморительную четвероногую снежную бабу, и погнал на глубину, чтобы смыть белые хлопья. Плавала Белла очень хорошо, но довольно-таки неохотно. Сама процедура мытья была ей явно в кайф, а вот изображать ньюфаундленда Белла не собиралась.

Гош тщательно промыл ее шерсть и осмотрел те места, откуда дворняги нарвали клочьев. Не нашел серьезных дырок, только пару ерундовых царапин, обрадовался и повел собаку на берег. Вывалил в миску порцию консервов. Белла от возбуждения пустила слюну, вся подалась вперед, но без команды есть не стала. Гош усмехнулся, подставил под миску ящик, чтобы собаке было удобнее, и махнул рукой – давай. Пси́на так бросилась к миске, будто на ее дне лежал ответ на все вопросы бытия. Минуту Гош с удовольствием наблюдал за собачьей трапезой, а потом отметил, что скоро уже вечер, и пора заняться собой.

Стирка и мытье не заняли много времени. А вот бриться Гош долго не решался, критически разглядывая себя в зеркалах «Хаммера». Из машины доносилось утробное рыгание и дробное пуканье – так организм Беллы реагировал во сне на собственную жадность.

– И все-таки! – провозгласил Гош, добыл из рюкзака бритвенный прибор, зачерпнул воды в кружку, пристроился к зеркалу и, страдальчески кривя лицо, принялся мазать его мыльной пеной.

– Никогда я это дело не любил, – сообщил он.

Собака в ответ всхрапнула.

* * *

Вечером того же дня Гош лежал на диване в комнате, где ночевал без малого двадцать лет, и смотрел в потолок. На письменном столе оплывала свеча.

Здесь он жил с родителями, а потом они жили уже без него. Здесь оказалось вдоволь фотографий и бумаг, но ни одна из них не отвечала на самый главный вопрос.

Его действительно звали Георгий Дымов. Как и все нормальные дети, он окончил среднюю школу. Судя по завалывшимся на шкафу конспектам, поступил в какой-то гуманитарный вуз. И похоже, очень рано ушел из этого дома. Может быть иногда возвращался и наверняка, вскоре снова уходил. В столе лежал альбомчик, где несколько страниц занимали фотографии смутно знакомых девушек. А на секретере в спальне родителей стояло фото, на котором был он сам и еще одна женщина, знакомая отнюдь не смутно. Его жена.

Гош чуть не взвыл, когда увидел эту фотографию. Выдрал ее из рамки и спрятал в отцовский бумажник, который здесь же подобрал.

Ушел в свою комнату, повалился на диван и постарался успокоиться. Надо же, какая неудача! Покидая этот дом всерьез и надолго, он забрал с собой все документы и сколько-нибудь памятные вещи. Ничто здесь не могло ему подсказать, где он жил последние годы перед обрушившейся на человечество бедой. Он ведь ехал в Москву именно за этими воспоминаниями. Жену найти понадеялся. А на поверку вышло, что с таким же успехом он мог бы искать ее в каком-нибудь Сыктывкаре. Разумеется, если она вообще жива.

Гош скрипнул зубами. Белла приподнялась на передних лапах и внимательно посмотрела на человека. Решила, что он в порядке, и снова легла посреди комнаты.

Гош почувствовал, что на него давит эта обстановка – полки с любимыми книгами детства, старый добрый стол, зеленые шторы... Он взял свечу, ушел на кухню, встал у окна и закурил. «Что же дальше? Придется, наверное, ехать в Кремль. Там у москвичей штаб – может, этот загадочный Борис расскажет нечто полезное. У москвичей? Интересная мысль: а я кто? Нет, что-то недоброе произошло со мной за время „сна“. Недаром я очнулся не здесь. Интересно, сколько времени продолжался этот проклятый „сон“? Минимум год. А если честно? Больше? Судя по состоянию техники, батареек и аккумуляторов – гораздо больше. И топливо портится на глазах. Годы прошли, годы... Гошка, признайся хотя бы себе – у тебя никаких шансов. Ты ее не найдешь. А может... Ведь я же вернулся. И она вернется, обязательно. Если только цела».

А уцелеть в новом мире, судя по всему, было непросто. Человека, которого не скосила загадочная пандемия, убившая каждого в возрасте примерно до двадцати и после сорока,

вполне могли угробить другие выжившие. Гош до сих пор вспоминал момент «пробуждения» с легким ознобом. Он впервые осознал себя в дичайшей ситуации. Именно в этой одежде, на подножке того самого «Хаммера», с тем самым ружьем поперек колен. А неподалеку валялись двое с разможженными головами. И две огромных гильзы под ногами. И легкий дождичек...

Он чуть с ума тогда не сошел.

Первая мысль была: «Хорош кошмар!». Потом оказалось, что вода с неба льется настоящая, а тело буквально деревянное. С превеликим трудом он разогнулся, охая и кряхтя прошелся вокруг машины, пытаясь узнать места. Стараясь убедить себя, что спит, подошел к трупам и увидел: им минимум суток трое. Помотал головой, отгоняя наваждение, забрался в машину и снова уснул. Радостно уснул, надеясь, что утром все образуется. Но вскоре проснулся от сильнейшего приступа голода. Опять в той же машине. Высунулся наружу и почувствовал, что перед глазами все плывет. Он был незнамо где, непонятно, зачем... И НЕПОНЯТНО, КТО!!!

Несколько часов он провалился в совершенной прострации. Трудно было привыкнуть к мысли, что все это – на самом деле. Потом он догадался убедить себя, что раз уж такая беда, пора на разведку. «Не думай. Просто смотри». И с такой вот позитивной установкой начал жить. Наверное только это и спасло его от сумасшествия. Испугался-то он почти до истерики. Руки тряслись, ноги подгибались. Даже трупы его не так беспокоили, как отсутствие памяти. Если он сам и застрелил двоих, это был какой-то другой он, прежний. А нынешнему ему позарез надо разобраться, что к чему. Он повернул ключ в замке, и машина завелась. И поехала.

В машине он нашел запас пищи, одежду, патроны и охапку умело склеенных армейских карт. Судя по картам, он успел изрядно покататься вокруг Москвы, побывать в Твери и Туле. Когда? Зачем? Нынешний город назывался Обнинск, но его карты в бардачке как раз не было. Гош поколесил по улицам, отмечая, что они совершенно мертвы. Зашел на пробу в несколько домов, везде натываясь на истлевшие тела. И как-то тупо, на автопилоте, взял тульскую карту, нашел отмеченный знакомой (своей?) рукой квартал, и решил – туда.

Позже он сообразил, что бессознательно воспринимал происходящее как непривычно яркий кошмар. И просто старался вести себя рационально, не визжать и не метаться, чтобы сон не стал еще страшнее. Принял условия игры. А когда настало время смириться с реальностью, он уже вжился в нее. Поэтому новый мир и не сломал его психику. Согнул ее основательно, но не сломал.

В Туле Гош впервые увидел живых людей, таких же ошарашенных и растерянных. Там его впервые обозвали Хаммером, просто чтобы было имя. Потом он нашел дом – уютный коттедж в пригороде, где когда-то прожил несколько месяцев, если не больше (зачем?). Здесь все было свое, устроенное им (когда?), а в кабинете лежали толстые подшивки газет. Видимо, он пытался восстановить картину того, что было ДО. Лучше бы догадался взять карандаш и хоть где-нибудь написать свою фамилию... Да еще черкнуть пару строк о том, каким ветром его занесло в Тулу, и почему он тут застрял. Но все равно обстановка в доме помогла. Гош начал вспоминать. Так интенсивно, что просто до боли. И очень скоро эта боль погнала его в Москву.

Он яростно хотел узнать: если не свое имя, то хотя бы каким образом его утратил. Если не найти жену, то хотя бы вычислить того, кому оторвать голову за ее потерю. Сплошные «если».

Пока что он нашел только чужую собаку и убитого горем одноклассника.

Но для первого дня поисков этого было даже много.

За оном окончательно стемнело. Гош прошел в большую комнату и огляделся. Зачем-то открыл шкафчик под телевизором. Там навалом лежали видеокассеты. Гош пристроил свечку поудобнее и стал перебирать цветастые коробочки, стараясь не думать, почему его совсем не удивляет то, как небрежно он обращается с заморскими диковинами.

Никакие это были не диковины. Стоило потрогать вещь руками, и простейшие тактильные ощущения будили в душе столько всего... Похоже, Гош в прошлой жизни был из тех, кто взаимодействует с миром в основном наощупь. В памяти тут же всплыла соответствующая градация. Люди разные, и как бы хорошо ни работали у человека все органы чувств, на самом деле один – визуалист, другой больше слушает, а третий даже на расстоянии воспринимает в первую очередь фактуру поверхности. Гош положил руку на круглый джойстик видеоманитофона и слегка усмехнулся. «Помню. Только зачем это мне?». Он вернулся к кассетам и улыбнулся вновь.

Отец тоже любил вестерны. Или, скорее, заразил этим сына. Подборка была правильная: классический «Дилижанс», полный комплект фильмов Серджио Леоне, «Буч и Санденс», «Непрощенный», «Тумстоун», первые и вторые «Молодые стрелки»... А вот это на любителя – «Пэт Гаррет и Билли Кид». В свое время кто-то вывел кодекс чести ковбоя. На основе вестернов, разумеется. Мол, ковбой не бьет женщину, не стреляет в спину, не поднимает ствол на безоружного, и прочая галиматья. А Сэм Пекинпа, большой охотник замахнуться на святое, отснял вот этот провокационный фильм. Воссоздал, так сказать, реальную обстановку. Ведь действительно, по официальной версии шериф Гаррет, как последний негодяй, пристрелил своего бывшего подельника и лучшего друга Билли, когда тот без сапог и револьвера топал к кладовке положить чего-нибудь на зуб.

Гош усмехнулся, бросив взгляд на «казаки», аккуратно стоящие в прихожей. Дверь выломал, а обувь-таки снял. «Вот почему я так интересно одет. Замороженное Голливудом бессознательное расстаралось. Интересно, а стрелять в людей я тоже из вестернов научился? Вряд ли. Мы сейчас все будто на фронтире. Ни одного безоружного. Хотя никто вроде бы не проявляет агрессию. Но какой-то атавистический страх подсказывает: в трудное время держи пушку ближе к телу».

...он лежал на столе, руки что-то сдавило за спиной, наверное, они были связаны. Над ним склонились незнакомые лица...

Гош дернулся, будто его ударило током. «Опять! Господи, когда же это было, и неужели именно со мной?». Воспоминание мгновенно растворилось, но чтобы успокоиться, пришлось выкурить несколько сигарет. Эта картинка была в чем-то еще страшнее, чем грохот пуль, бьющих в корму.

«Хватит!» – приказал себе Гош. Достал из шкафа старый плед, долго его вытряхивал, потом упал на диван и постарался заснуть. Думал он в это время о чем угодно – например, хвалил отца за то, что в окнах мощные стеклопакеты. Иначе пыли в квартире было бы по колено. А вот дверь не стальная, обычная: тоже повезло. Вспомнил, что отца давно нет, и мамы нет, машинально начал копаться в прошлом...

– Семёныч!!! – воззвал на улице металлический трубный глас.

Гош подпрыгнул, Белла тоже.

Осторожно выглянув в окно, Гош увидел, как по проспекту медленно катится автомобиль, а из люка на крыше торчит кто-то с мегафоном и зовет Семёныча.

– Кошмар... – пробормотал Гош.

И впервые за долгое время заснул по-человечески, без слез в подушку.

* * *

Чумазого и веселого Бориса он нашел на берегу Москвы-реки, напротив Кремля. Председатель загадочного Комитета стоял в окружении таких же изгвазданных ребят в спецовках и радостно тарашился на Гоша, его собаку и «Хаммер».

– Здорово! – сказал Борис. – Извини, руки не подам, весь в солидоле. Пытаемся запустить эту машинерию, – он махнул рукой куда-то за спину, на неказистое здание вполне промышленного и весьма запущенного вида.

– Знаменитая кремлевская ГЭС-1? – догадался Гош. – А я думал, это просто легенда. Ну, здравствуй. Ты, значит, будешь местный князь?

Борис расхохотался. Его окружение, напротив, грозно насунилось.

Гош пригляделся к Борису и решил, что совершенно не помнит этого человека. Довольно высокий, крепкий, стрижка ежиком, пронзительный взгляд лидера.

– Ребята, – сказал Борис, обтирая руки о замызганную куртку. – Нечего обижаться. Видите же, издалека гость. Вы дуйте пока по местам, а мы с Георгием поболтаем.

– Здесь князей нет, – заметил кто-то из толпы. – У нас все пашут. Не то, что некоторые...

«А пулю в голову не хочешь?» – чуть не вырвалось у Гоша, но он вовремя прикусил язык. Сегодня утром на Ленинском проспекте ему загородил дорогу мобильный патруль, и дело чуть не кончилось перестрелкой. Патрульные могли бы быть и повежливей. Потактичнее. Но не обязаны. А Гош неожиданно для себя озверел и здорово наехал на четверых вооруженных парней. Да так нагло, будто в прошлой жизни ел на завтрак техасских рейнджеров. Что интересно, патруль в его крутизну уверовал, попрыгался за машинами, стал звать по рации подкрепление, и только личный приказ Бориса пропустить «ковбоя» погасил конфликт. А Гош, отъехав подальше, остановился и долго сидел, унимая дрожь в руках. Форменная психопатия – но откуда? Неужели он съезжает с катушек?..

– Тихо! – рявкнул Борис на словоохотливого подчиненного. – Это здесь князей нет. А по матушке-России их, я думаю, предостаточно. Ага?

Он вопросительно посмотрел на Гоша.

– Не помню. Не видел. Эй, братишка! Извини. Я понимаю, что моя внешность и манеры вызывают законное раздражение. Потерпи немного, привыкнешь...

С этими словами Гош упер руки в бока, полы куртки разошлись и показалась рукоятка пистолета. Гош сделал это не подумавши, жест устрашения вышел сам собой. Но возмущавшийся парень тут же заметно побледнел и отшатнулся.

– Я же сказал – идите! – прикрикнул Борис. Крепко взял Гоша за плечо (Белла в окне машины начала тихонько рычать) и увел к парапету набережной. Сзади воинственно фыркали и переговаривались.

– Засветишь лампочку Ильича? – Гош мотнул головой в сторону здания ГЭС.

– Хотелось бы. В первую очередь для водоснабжения, насосы запустить. Слушай, браток. Ты чего такой злой?

– Понятия не имею. Какая-то истероневротическая реакция, – Гош поперхнулся незнакомым словом и умолк.

– Ты бы придержал эту реакцию, ладно? Народ пугается.

– Честное слово, я постараюсь, – Гош виновато оглянулся на уходящих в здание людей. Некоторые озирались довольно опасливо.

– Убедительно прошу. Я не знаю, может, за Кольцевой дорогой начинается Дикий Запад, но в Москве, ей-богу, воздержись от этих ковбойских штучек.

– Но там и правда Дикий Запад, – сообщил Гош. – Все нервные, все с оружием. Любой разговор начинается с предложения убрать ствол подальше. Я, конечно, убираю, и сразу порядок – любовь до гроба, улыбка до ушей, обмен информацией.

– А ты не пробовал по-нормальному? – спросил Борис, прищурившись.

– В смысле – вообще без ствола?

Гош всерьез задумался.

– Как-то в голову не приходило. А ты не пробовал убрать людей с заставы?

– Пока нельзя. Подумай, что случилось бы, пропусти мы тебя в город пару месяцев назад. Ты был просто сумасшедший. Это во-первых. А во-вторых, от кого-то ведь эти блокпосты город охраняли! Их же не просто так строили. Значит, была угроза. Кто сказал, что она не появится теперь?

– Резонно, – согласился Гош.

– Ты же ехал через Беляево и Калужскую, должен был видеть...

– Нет. Я ехал лесом. Тем, что от него осталось.

– М-да... И это тоже... И это тоже важно. Понимаешь, Георгий... Или лучше Гош? Понимаешь, Гош, в Москве немало поврежденных домов. Кто-то упражнялся в стрельбе из танковых орудий. Но мне кажется, это были не враги. Я думаю, это тренировались прежние защитники города. Потому что есть разрушения и совсем иного порядка.

Гош закурил. Борис попросил глазами, и Гош протянул ему сигареты. От набережной отъехало несколько машин, и теперь они остались вдвоем – хозяин города, уверяющий, что он не князь, и его гость, изо всех сил изображающий бедную овечку.

– Спасибо. Так вот, Гош. Что я тебе хотел сказать... Да, есть совсем другие разрушения. Окраинные районы кто-то обстреливал из огромной пушки. Мне даже представить страшно, какого она была калибра.

– Или бомбил, – подсказал Гош.

– Вряд ли. Мы насчитали с десятков одиночных попаданий. Несколько на юго-западе, несколько на Кантемировской, еще на Можайке. Каждый снаряд по отдельности либо развалил целый дом, либо оставил такую воронку, что пару трейлеров похоронить можно. На пересечении Можайского шоссе и Кольцевой тоже была застава, нам ее пришлось восстанавливать. Там полмоста снесло, а зенитка лежала на боку. Представляешь, что будет, если этот ужас вернется? А кто спалил лес? Что там произошло? Нет, дорогой мой, как ни крути, а мы должны обеспечить хотя бы подобие обороны. Вот, стараемся...

– Думаю, это стрелял не я, – сообщил Гош после минутного раздумья.

– Да уж надеюсь! – рассмеялся Борис. – Но какие-то претензии лично ко мне у тебя есть. Из чего можно делать самые фантастические выводы. Настолько дикие, что я от них пока воздержусь.

– Ты был местный князь, а я – варяжский гость... Хватит ржать! Что смешного?!

– Да какой из меня князь?! Я простой физик, кандидат наук. Голодранец, можно сказать...

– Помнишь?! – изумился Гош.

– А ты – нет? – в голосе Бориса послышалось искреннее участие.

Гош отвернулся. Из машины за ним внимательно следила Белла. Гош подошел к «Хаммеру» и выпустил зверя погулять. Белла тут же сунулась к Борису и с грозным кряхтением его обнюхала. После чего, страшно довольная, уселась между ним и Гошем.

– У меня другие проблемы, – негромко сказал Борис.

– Могу представить.

– Вряд ли.

Гош бросил на собеседника испытующий взгляд и поверил. За внешней развязностью этот человек скрывал очень серьезную боль. Прятал ее старательно, чтобы не напрягать других. Этаким чрезмерно совестливый Наполеон.

– Хороший ты мужик, Боря. Хотелось бы подружиться, – честно признался Гош. – Я ведь сюда надолго. Чем могу быть полезен?

– А что ты умеешь?

– Да все. То есть, ничего. Но обучиться могу чему угодно. Я так мало знаю о своей профессиональной ориентации, что мне просто наплевать, чем заниматься. Главное – как можно скорее восстановить память.

– Не прибедняйся. Мне сказали, у тебя колоссальный объем знаний. А нам сейчас важно знать как можно больше обо всем на свете. Иногда слово, брошенное вскользь, будит такие неожиданные ассоциации... Не исключено, что на ближайшие дни Комитет поставит тебе очень интересную задачу. Ходить и болтать. Просто говорить с людьми. Провицировать их вспоминать.

Гош бросил на Бориса неожиданно хмурый взгляд.

– А вот злиться не надо, – попросил Борис. – У тебя больше нет повода. Здесь все свои. Можешь перестать злиться и начать просто разговаривать. Это будет полезно и для тебя тоже, сам начнешь лучше вспоминать... Ну, как думаешь – справишься?

Гош щелчком выстрелил окурок в реку.

– Ну-ну, – пробормотал он. – Допустим. В тысяча семьсот первом году некий француз основал в Северной Америке поселение Вилль Де Труа. А как была фамилия этого француза? Время.

Борис нахмурил брови и тяжело задышал носом.

– Ладно, – махнул рукой Гош. – Это трехходовка. Снимем один ход. Фамилия была Кадиллак. Скажи, как называется теперь основанный им город. Время.

– Хватит... – задушенным голосом попросил Борис.

– Или вот еще вопрос... – не унимался Гош.

– Хватит! – крикнул Борис. Снизу раздался громовой рык – это вскочила на ноги и раскрыла пасть Белла.

– А вот такой вопрос, – издевательским тоном сообщил Гош. – Позируя художнику Миллеру, он сказал: «Я совершил в этой жизни немало славного, и никого не сделал несчастным. Не подписал ни одного смертного приговора. Бывал мал, бывал велик». Ну? Кто это? Время.

Борис, держа руки на отлете, пытался задом взгромоздиться на парапет. Белла медленно надвигалась на него, выразительно скрежеща когтями по асфальту.

– Может, я все-таки не буду ходить и трепаться? – миролюбиво осведомился Гош. – Может, я лучше буду... Ну, хоть на заставе сидеть? А когда понадобится – по мере сил отвечать на конкретные вопросы. Белла! Отставить! Фу! Фу, кому сказано!

Белла попятилась, не сводя глаз с Бориса. Тот глубоко вздохнул, уселся на парапет и взъерошил рукой волосы.

– Худо с тобой, как я погляжу, – заметил он. – Весьма худо.

– Угу, – кивнул Гош. – Слышал про такую монгольскую сельскохозяйственную газету – «Социализм Худа Ашахуй»?

Борис фыркнул и отвернулся.

– Слушай, что мы с тобой, как ученицы младших классов препираемся?! – возмутился Гош. – Чем занят твой Комитет?

– Не «мой Комитет». Наш Комитет, – некоторое время Борис для солидности молчал, глядя в сторону, но потом все же смиростивился. – Мы занимаемся учетом и распределением всех ресурсов, включая людские. Обеспечиваем санитарный контроль, следим, чтобы не было мародерства. У нас централизованная система поиска, складирования и раздачи продуктов. Есть полицейские силы. Есть отдельная служба, которая занимается техникой – ремонт машин, наладка оборудования. К зиме откроем больницу.

– Школа есть?

– Для кого? Средний возраст москвича – двадцать пять. Приблизительно, никто же не знает толком, сколько ему лет.

– Я неправильно выразился. Ты сам хочешь, чтобы я провоцировал людей шевелить мозгами. Так почему бы не организовать что-то вроде психотерапевтической группы? Будет народ собираться и вместе потихоньку вспоминать.

– Они и так вспоминают.

– Только они все травмированы своими воспоминаниями, – покачал головой Гош. – И дальше будет только хуже. Ты хочешь управлять сумасшедшим народом? Невелика радость.

– Я никем не хочу управлять, – отрезал Борис.

– Не надо ля-ля, – попросил Гош. – Кандидат наук, а туда же, пытается мне очки втирать.

Сколько людей в городе?

– Тебе-то что?

– Несколько тысяч.

– Допустим.

– Все они у тебя посчитаны, ты стараешься селить их компактно и пресекать любые самовольные действия, так?

– А ты чего хотел?! Как мы еще можем тут выжить, если не принимать мер?! Если каждый будет шлаться сам по себе?!

– Ладно, остынь, – попросил Гош. – Хватит. Ты не против, если я тихонько покатаюсь сегодня по городу и присмотрюсь, что к чему? Обещаю – никаких эксцессов. Я буду тих и скромн.

Борис неприязненно скривился.

– Вдруг у меня толковые идеи появятся? – предположил Гош.

– Черт с тобой, – процедил Борис. – Если что – пеняй на себя. И к вечеру, будь добр, найди, где залечь. Ночью у нас...

– Комендантский час, – подсказал Гош. – Я уже понял.

– А утром приезжай ко мне, – проигнорировал замечание Борис. – Разберемся.

– Ладно. Ну, пока, – Гош повернулся к машине и поманил за собой Беллу. Собака нехотя оставила Бориса и затрусил к «Хаммеру».

– Слушай! – позвал Борис. – Так кто это был, все-таки?

– Кто? – не понял Гош.

– Который «бывал мал, бывал велик»?

– А-а... Суворов, – бросил через плечо Гош, открывая Белле дверцу.

– И ты не помнишь, кем был в прошлой жизни? – усомнился Борис.

– Не-а! – усмехнулся Гош. – А вот еще вопрос... Да не дергайся ты! Есть в мозгу такой орган, называется гиппокамп. Если по-простому, это коммутатор. Посредник между оперативной памятью и долговременной. Он решает, что именно ты из оперативной памяти запишешь на вечное хранение. И наоборот, от него зависит, что ты можешь вытащить из хранилища. Также считается, что гиппокамп принимает решения, исходя из эмоциональной значимости информации. То есть, фамилию чемпиона мира по боксу ты, скорее всего, запомнишь. А чемпиона мира по плевкам в длину – только если он в тебя самого плевал. Гиппокамп отправит в долговременную память информацию обо всех привычках твоей женщины. О том, как выглядел человек, ударивший тебя по морде. И так далее. Теперь вопрос. Чего хотели заказчики от создателя вируса, частично блокирующего функцию гиппокампа? Почему у большинства пораженных срезало именно ту информацию, которая наиболее близка к сердцу? Хотя при этом мы помним, как едят, ходят, умываются, и так далее?

– Не все помнят, что надо умываться... – пробормотал Борис.

– Ты подумай над этим, ученый, – посоветовал Гош. – Кому и зачем понадобилось сделать из нас манкуртов? Помнишь такое слово?.. Сдается мне, была война. Конечно, совсем не похоже, чтобы нас в ней победили. Но кого теперь завоевывать нам?

С этими словами Гош сел в машину и уехал. Борис проводил его напряженным взглядом и неодобрительно покачал головой.

* * *

Полдня Гош колесил по городу, наблюдая за его новой жизнью, вспоминая и удивляясь, снова вспоминая и удивляясь вновь. Иногда он наткнулся на фуражирские команды (несколько парней с оружием, пара грузовиков, десяток грузчиков), занятые организованным разграблением магазинов и складов. Несколько раз мимо на бешеной скорости пронеслись стайей дорожные спортивные машины. А однажды дорогу перебежала странная оборванная компания с туго набитыми мешками. Следом за ней катил, лениво постреливая в воздух, БТР, облепленный камуфлированными автоматчиками. Похоже, в хозяйстве Бориса не все обстояло так уж гладко. Кое-кому здесь на лампочку Ильича и водоснабжение было явно наплевать. «Прижмет вас Боря, – подумал Гош, наблюдая, как один из мародеров споткнулся, упал, растерял вещи, бросился собирать их, ползая на коленях, а на него с БТРа прыгнуло несколько человек и принялось деловито пинать ногами. – Ох, прижмет... Боря у нас начинающий Пиночет, вы уж попомните мое слово. Будет вам лампочка и сливной туалет, будет вам за это и диктатура. Эх, куда же бедному крестьянину податься?!»

Гош выехал на Можайское шоссе, намереваясь рассмотреть поближе следы артобстрела, о котором рассказал Борис. В паре километров за Триумфальной аркой его внимание привлек странный знак. Это был огромный щит, с которого оборвали рекламу и написали на белом поле красным вкривь и вкось: «Свободная зона». Корявая стрелка показывала направо. Под щитом стоял джип и загорали трое с автоматами.

– Привет! А это что значит? – спросил Гош, притормаживая.

– А-а, новенький... Туда нельзя.

– Почему? – деланно удивился Гош, кладя руку на карабин.

– Там уроды живут, – объяснили ему. – Ненормальные.

– Анархисты, – вспомнил один из охранников. – Законов не признают, чуть что – стреляют. Мы тут специально, чтобы никто к ним не совался. Они тебя шлепнут и все барахло себе заберут.

Гош покосился в направлении, указанном стрелкой. Дорога уходила к Москве-реке. Из-за мощных зарослей едва виднелись кирпичные дома. Кажется, здесь раньше был правительственный санаторий, или что-то в этом роде. «Ненормальные? Анархисты? Почему же за ними не гоняются на БТРах, как за теми оборванцами? Слушай, Гош, а не съездить ли?»

– А я, пожалуй, все-таки загляну туда, – сказал он.

– А мы тебя не пустим, – сообщили ему вполне миролюбиво.

– Мальчики и девочки, – произнес Гош надменно. – У меня личное разрешение Бориса на осмотр города. Если сомневаетесь, вызовите Кремль. Но учтите, я ждать не буду.

Между охранниками завязалась короткая дискуссия вполголоса. Гош подтянул на колени свой карабин и приготовился грозно ругаться матом.

– Да проезжай, – сказали ему. – Но мы тебя предупредили.

– Молодцы, – похвалил охранников Гош и двинул машину под стрелку. Над головой тут же сомкнулись зеленые кроны, стало прохладно, уютно и неожиданно легко на душе. Почему-то от ненормальных анархистов Гош ничего дурного в свой адрес не ждал.

Впереди показалась еще одна бывшая реклама. На щите все тем же почерком было написано: «Свободная зона. Друг, пожалуйста, не держи оружие в руках». Гош помотал головой. Ему показалось, что примерно такую же надпись он видел раньше. Где?

...небольшой табун лошадей уходил за горизонт, и тонкая девчоночья фигурка, оседлавшая крепкого жеребца, казалась на его широкой спине игрушечной...

– Черт возьми! – почти крикнул Гош.

Белла, как всегда, обеспокоенно ткнула носом ему в шею.

У развилки примостился магазинчик. Перед ним стояло несколько машин, сразу видно – не брошенных, а имеющих хозяев. На ступеньках восседал громадный длинноволосый бородач со внешностью байкера и соответствующим пивным брюхом. А рядом устроился – Гош вытирал глаза, – мальчишка. Подросток лет четырнадцати.

Гош остановил машину, вышел и направился к двери магазина.

– Здорово, брат! – пробасил бородач. – Как это тебя пропустили?

– Уговорил, – небрежно бросил Гош. Он рассматривал подростка. «Обычный мальчишка. Живой. И сумасшедший. Может, поэтому живой? Или наоборот?»

– Что-то я не слышал, как ты их уговаривал, – заметил бородач.

– Я словами, – объяснил Гош.

– Силен! Откуда ты, брат?

– Зюйд-зюйд-вест, сэр. А что тут у вас?

– Как что – магазин. Да ты зайди.

– Зайди, – неожиданно резким лающим голосом поддакнул мальчишка. – Он и тебе продаст немного жизни!

Гош нерешительно поднялся по ступенькам. Подросток встал и шагнул к нему вплотную. Чувство дистанции у мальчика отсутствовало напрочь.

– А завтра ты будешь? – спросил мальчишка, крепко хватая Гоша за рукав и пытаясь заглянуть ему в глаза.

– Петя! – бородач протянул руку, зацепил парнишку за ремень и потянул назад. Гош мягко разжал горячие влажные пальцы, впившиеся в локоть. Петя, сопя, пытался вырваться и все шарил безумным взглядом по лицу Гоша.

– Жутко привязчивый, – вздохнул бородач. – Да ты заходи, не стой. Там интересно.

– Там продают жизнь! – выпалил Петя, безуспешно пытаясь вырваться. – Не ходи туда! Не ходи туда-а!!! Не на-а-до!!!

Гош почувствовал, что с него хватит, и шагнул к двери, вытирая на ходу руку о джинсы. Пропустил молодую женщину с большой хозяйственной сумкой. И оказался в магазине.

Это действительно был мини-маркет, небольшой магазин самообслуживания с длинными стеллажами, на которых стояли разнообразные товары. Но в отличие от всех магазинов, которые Гошу попадались на пути, этот – работал. За единственной кассой сидел какой-то парень, и к нему выстроилась небольшая очередь.

– Однако... – пробормотал Гош. У него на глазах старенький механический кассовый аппарат выбил чек, и из рук в руки перешли деньги. Продавец отсчитал сдачу.

Полная иллюзия того, что жизнь продолжается. Безумный мальчишка, как и многие психи, на самом деле зрил в корень. Здесь вполне могли продать немного жизни. Вот какие-то девчонки сосредоточенно копаются в ящике с колготками. А вон и грузчик катит на тележке упаковки с минеральной водой...

Гош выскочил из магазина, как ошпаренный.

– Вот так и живем, – философски сказал бородач. – Каждый сходит с ума по-своему. Шиза косит наши ряды. Маразм крепчает. Но если про это не знать, можно долго быть молодым.

Гош огляделся в поисках мальчика Пети и облегченно вздохнул, увидев, что тот выглядывает из-за кустов неподалеку и, кажется, выходить не спешит.

– Вот так сидишь, пьешь свой утренний кофе, читаешь газету, и вдруг как подумаешь – а не повеситься ли мне? – сообщил бородач.

– А где твой «Харли-Дэвидсон»? – угрюмо спросил его Гош, просто так, чтобы перебить этот словесный понос.

– Борькины прихвостни раздавили, – с готовностью ответил тот. – В лепешку. Танком.

Гош счел за лучшее промолчать и зашагал к машине.

– Тебе направо! – крикнули ему в спину. – Там все наши. Если дома никого, значит, у реки валяются.

Гош уселся за руль и крепко потер ладонями глаза.

– Долго я так не выдержу, – сказал он Белле. – Ты меня останови, если что. Ладно?

«Дом», где жили «наши», оказался симпатичным зданием гостиничного типа с парковкой, забитой ухоженными машинами. По ступеням, небрежно помахивая цветастым полотенцем, спускалась высокая светловолосая девушка в шортах и короткой майке.

Гош узнал ее сразу, но как-то странно, по частям. Ноги... Грудь... Волосы... Лицо. Есть! Ему вдруг стало очень неудобно, и все поплыло перед глазами. Он съехал на сиденье, пытаясь стать маленьким и незаметным. Зачем? Этого Гош не понимал, но дурное предчувствие оказалось сильнее него.

– Гошка! – крикнула Ольга, роняя полотенце.

У нее даже имя было такое же. И вообще, она чертовски напоминала его жену. Только волосы не бронзовые, а цвета платины. И лицо попроще. И совсем другое отношение к жизни. А так – один в один. Красивый, и в свое время очень близкий человек.

Гош вышел – скорее выпал, – из машины и попытался хоть что-то сказать. Но на него уже с криком набросились, крепко обняли, впились в губы, повисли на шее.

– Любимый! – выпалила Ольга, на миг отрываясь от мужчины и слегка его встряхивая, дабы удостовериться, что это не галлюцинация. – Мой! Наконец-то! Господи! Любимый! Как я тебя искала... Как ждала... Гошка! Это ты?!

– Здравствуй, – пробормотал Гош.

Когда они в последний раз встречались, Ольга уже третий год была замужем, а ее дочери исполнилось полтора.

– Единственный мой! – простонала она, сжимая Гоша в объятьях.

«Мама! – взмолился Гош про себя. – За что?! Ее-то за что так?!»

Ольга радостно плакала у него на груди.

– Как ты? – спросил он через силу, чувствуя, что и сам может сейчас разреветься от тоски и безысходности.

– Все... Теперь все хорошо. Ты вернулся. Ты нашелся. Как ты меня нашел? Гошка... Милый...

«Она не помнит, – поставил диагноз Гош, обнимая плачущую Ольгу. – Ни как и почему мы расстались, ни Ваську своего, ни девочку... Как ее звали? Неважно. Остался в памяти только я. И что же нам теперь делать?»

* * *

Ближе к вечеру Гош вышел из дома, сел на ступеньки, закурил и положил руку на крепкое мохнатое плечо доверчиво прижавшейся к нему Беллы. От реки, беззаботно переговариваясь, возвращались «анархисты» – веселый и приветливый народ, силой вырвавший у Бориса этот клочок московской земли и устроивший здесь нечто среднее между первобытным коммунизмом и пиром во время чумы. На Гоша и его собаку поглядывали с интересом, даже небрежно здоровались, но близкий контакт наладить никто не пытался. Захочет человек – приживется, не захочет – уйдет. Такие здесь были порядки.

Гош смотрел на людей, улыбался им и думал, насколько же их нынешняя расслабленность зиждится на предчувствии скорого конца. Уже через месяц-другой наступят холода, и вместо праздника начнется тупое выживание. И рано или поздно «Свободную зону» раздавит княжество Бориса. Либо проглотит, либо вышвырнет из города. Но это будет завтра. Пока что молодые люди с инфантильным упорством обреченных хотят не выживать, а просто жить.

Гош оглянулся на окна, за одним из которых спала Ольга. Бедная так перенервничала, что у нее начался сильнейший постстрессовый «отходняк». Гош уложил ее и сидел рядом, держа за руку, пока она не уснула. Нервным и тревожным сном, но все-таки уснула. Конечно, она ничего не помнила. И конечно, Гош не нашел в себе достаточно мужества рассказать ей хоть что-то. Но и мужества лечь в постель с остро нуждающейся в ласке женщиной, с которой провел когда-то много ночей, он тоже в себе не чувствовал. Он любил другую.

Означала ли эта негаданная встреча, что у него появился шанс найти ту, без которой жизнь потеряла смысл? Нет. Даже наоборот. Чудес не бывает дважды. Лимит удачи исчерпывался. Впереди, скорее всего, ждали неприятности.

Он не найдет больше никого. Ни-ко-го. Пора с этим смириться.

А в доме звенели посудой и смеялись. На площадку въехала мокрая автоцистерна, дала гудок, из дверей посыпался народ с ведрами и канистрами. «А может, выкарабкаемся как-нибудь?» – подумал Гош, наблюдая за веселой суетой у крана, из которого хлестала вода.

Он знал теперь очень много о том, что произошло в Москве за последние месяцы, когда люди начали «просыпаться» и сбиваться в стаи по интересам. Здесь у каждого была своя история, как правило, очень горькая. Тот же Борис – уникальный случай «пробуждения» с полным объемом памяти и хорошо сохранившейся личностью при этом, – сумел найти семью: жену и сына. Мертвыми. Бородатый толстяк, опекавший мальчика Петю, был раньше учителем. Очнувшись незнамо где, он вспомнил координаты летнего загородного лагеря, где должен был по идее находиться. Бросился туда и увидел, что в корпусах лежат мирно на кроватях ссохшиеся трупы его подопечных. Ольга вернулась в дом, который помнила с детства, и нашла останки своих родителей.

Сколько времени прошло со дня, когда мир поразила загадочная пандемия, никто не знал. Звучали разные цифры, от года до трех лет, но считать их достоверными не имело смысла. Чем люди занимались в этот период беспомощности, они тоже понятия не имели.

А многие просто не хотели знать.

Гош докурил сигарету и тяжело вздохнул. Его так и подмывало спуститься по ступенькам, усесться за руль и бежать, бежать, бежать... Куда? Зачем? Ему предстояло очень многое вспомнить, а для этого нужно было остаться здесь, в Москве. И терпеть, и ждать, и ежедневно подстегивать непослушную память. В надежде, что появится хоть малейшая зацепка.

– Оля... – прошептал Гош. – Оля, дорогая... Где же ты? Как же мне теперь быть?

Собака легла и положила морду ему на колени. Закрыла глаза. Задремала.

– Прости меня, Оля... – прошептал Гош.

Он спрятал в ладонях горящее лицо.

...а где-то на окраине сознания уходило в поле стадо, и хрупкая девчонка колотила пятками по бокам гнедого жеребца, а кто-то сидел на заборе, держа под мышкой автомат и дуя пиво из бутылки, и играла музыка, и еще кто-то с очень знакомым лицом, гарцуя неподалеку на коне, радостно заорал: «Регуляторы, в седло-о!!!» и ускакал вслед за девчонкой, визжа и улюлюкая. Гош обернулся, рядом стояла громоздкая боевая машина с непомерно толстым стволом, и пожилой мужчина прислонился спиной к броне.

– Кто такие Регуляторы? – спросил негромко мужчина. – Мальчишки теперь себя по-другому и не называют... Что за заразную историю ты им подбросил?...

Здесь, в Москве, на теплых каменных ступенях, Гош не знал, как ответить призраку, явившемуся ниоткуда. Но там, в той жизни, он что-то ему сказал.

И сказал, улыбаясь.

Часть вторая. Годом раньше. В поисках себя.

Объездчики вернулись на рассвете. Кряхтя и ругаясь, они волоком затащили добычу в прихожую и кое-как поставили на ноги.

– Ну, Сан Сеич, получите-распишитесь, – сказал Цыган. – Вот и он, неуловимый Джо. Собственной, так сказать, персоной. С вас десять баксов за моральный ущерб.

Пленник обвел помещение мутным взглядом, закатил глаза, выпал из рук объездчиков и с деревянным стуком рухнул на пол лицом вниз.

– Только за моральный? – спросил пожилой мужчина, садясь на корточки и заглядывая потерпевшему за правое ухо. Там густо запеклась кровь.

– Ну, дырок-то он нам в машинах наделал порядочно, – важно заявил Белый. – «Тойоте» вообще, гад, все стекла раскокал до единого.

– И мое колесо, – подал голос Большой.

– И твое любимое колесо, – согласился Белый.

Костя и Цыган зашмыгали носами, но решили пока не смеяться.

– В лохмоты, – горестно вздохнул Большой. – А где я новое возьму?

– Если бы не это колесо у тебя на капоте, ты бы сам был в лохмоты, – сказал Белый. – Перестань ныть, я тебя умоляю.

– Некрасиво без колеса, – объяснил Большой.

– Достану я тебе новое! – утешил его Цыган. – Десять баксов.

– Главное, все живы, – сказал пожилой мужчина. – Чем вы его так?

– Это Костя. Прикладом. Мы его зажали в канаве и не давали подняться, а Костя сбоку подполз.

– Опасный трюк, мальчики.

– Вы же просили живьем. Вот он вам, малость по башке стукнутый, а в остальном целый и невредимый. Я, правда, не понимаю, зачем.

– Я сказал «по возможности – живьем». Цыган, принеси аптечку, пожалуйста.

– Момент, Сан Сеич.

– Это было дело принципа, – сказал Костя. Он устало присел на край стола и положил автомат на колени. – Застрелить человека может любой недоносок. Особенно такого опасного человека. Его просто грех не шлепнуть, когда он к тебе спиной повернется... А мы его по всем правилам. Блокировали, прижали, стукнули. Знаете, Сан Сеич, есть у меня все-таки подозрение, что я в прошлой жизни воевал.

– И что ты об этом думаешь? – спросил пожилой, внимательно глядя на Костю снизу вверх.

– Ну... Я думаю, что мне это не нравится. Теперь, во всяком случае. Не мужское это дело – война. Там убить могут.

– Хор-рошая философия, – неодобрительно протянул Белый и полез в карман за сигаретами.

– Какая есть, – ответил Костя без малейшего вызова в голосе.

Цыган принес аптечку.

– Может, на стол его? – спросил он. – Неудобно же вам.

– Давайте на стол. Костя, лампу, пожалуйста, сделай поярче.

– Поедем сегодня за керосином, да, мужики?

– Только поспать вам надо, мальчики. Кто у нас дежурит с утра?

– Я, – сказал Большой, нависая над бездыханным телом и примериваясь, как бы его половчее ухватить. Росту в Большом было два с лишним метра, весил он килограммов сто двадцать. Никто в комнате даже не подумал ему помочь. Это считалось в порядке вещей: если нужно передвинуть тяжелое, зови Большого. А то еще обидится, что не позвали.

– Руки бы ему развязать, – задумчиво сказал пожилой, глядя, как Большой, словно пушинку, отрывает тело от пола и кладет на стол.

– Черта с два! – с неожиданной злобой рыкнул Костя. – Я бы ему еще и ноги к рукам присобачил. Загнул колени, и за лодыжки – к кистям. И в зубы кляп.

– Да ладно, – Белый положил было Косте руку на плечо, но тот дернулся, уклоняясь.

– Это опасный человек, – с нажимом сказал Костя. – Я его не для того ловил, чтобы он нас всех загрыз. А действительно, Сан Сеич, для чего я его ловил? Вы же так и не объяснили толком...

Пожилой раскрыл аптечку, достал ножницы и примерился с ними к ране на голове пленника. Волосы у того были черные, густые, слегка выющиеся и очень неровно остриженные. Под ярким светом лампы оказалось, что крови на них видимо-невидимо.

– Сильно ты его, – упрекнул Костю пожилой. – Боюсь, не было бы сотрясения.

– Выбирать не приходилось, – заступился за Костю Белый. – И вообще, шеф, этому деятелю по любому жить оставалось недолго. Туляки уже против него целое ополчение собрали, человек двести, не меньше. Кстати, Цыган, запустил бы ты движок и радировал в Тулу, что он у нас. И не забудь отметить, что с них причитается. Конечно не десять баксов...

– Сделаем, – кивнул Цыган. – Только зачем движок? Я с машины.

– Не добьет.

– А я попробую.

– Не добьет, – прогудел Большой.

Цыган обиженно хмыкнул, сделал несколько шагов к двери, но потом решил, видимо, что на самом деле не добьет, и пошел на задний двор, к дизелям.

– погоди, – остановил его Белый. – Лучше я. А то у некоторых здесь и руки-крюки, и язык без костей.

Цыган снова хмыкнул, но возражать не стал, а напротив, с видимым облегчением вытащил сигареты и вернулся к столу. Похоже, его не слишком радовала перспектива общения как с дизельной электростанцией, так и с радистом городских.

– Не сердись, – попросил его Белый, уходя за дверь. – Что-то я злой сегодня. Это все стрельба по людям.

– Нервное занятие, – согласился Цыган.

Костя зевнул. Цыган, выпуская клубы дыма, смотрел на пожилого мужчину. Тот все стоял с ножницами над телом, о чем-то глубоко задумавшись.

– Красивый парень, – заметил Цыган. – Лицо такое... Стильное лицо. Интересно, кто он был в прошлой жизни?

– Сан Сеич знает, – сказал Большой.

– Не исключено, – кивнул пожилой. – Но мне даже себе признаться в этом как-то боязно. Вот смотрю на него, а сам думаю – вдруг не выйдет? Очень стыдно мне будет, мальчишки, если вы рисковали понапрасну.

На заднем дворе противно взвыл бензиновый стартер. Понадрывался секунд десять и затих. Все дружно повернули головы в ту сторону, где сейчас Белый колдовал у станции электропитания.

Стартер взвыл снова, и на этот раз добился своего – в ответ ему раздался глухой тракторный рокот.

– Ф-фух! – выдохнул Цыган. – С каждым разом все хуже, а?

– Чистить надо, – сказал Костя. – Перебирать... И все такое прочее. Я вот думаю, Сан Сеич, неужели мы не сможем развинтить эту штуку по частям и заново собрать? По-моему, снаружи она выглядит не очень страшно. Да и внутри...

– Там форсунки, – буркнул Большой.

Все в недоумении посмотрели на него.

– Вот это да! – усмехнулся Костя. – Большой, скажи еще какое-нибудь слово.

Большой смутился и покраснел.

– Давай-давай! – подбодрил его Цыган.

Большой опустил глаза и в полном замешательстве что-то сдавленно промычал. Костя повесил автомат на гвоздь, подошел к столу и осторожно погладил великана по плечу.

– Главное не думай, – сказал он ласково. – Просто говори. Не держи в себе, когда накачивается. Проговаривай вслух. Слово за слово, что-нибудь полезное да и выскочит.

– Да я... – начал Большой, но тут тело на столе ожило.

Пленник, видимо, дожидался момента, когда все его враги окажутся в поле досягаемости. А еще он сумел точно оценить степень опасности каждого из них. И первый удар схлопотал Костя. Пленник резким движением перевалился на бок и так звезданул ему носком сапога под ребра, что тот отлетел в угол и там замер.

В отличие от многих чрезмерно крупных людей, у Большого реакция была отменная. Но огромный парень оказался слишком погружен в себя и теперь просто растерялся. Поэтому вторым ударом пленник угостил стоявшего с другой стороны Цыгана, лягнув назад той же ногой. Цыган как раз отпрыгивал, но его достали каблуком в живот и вывели из строя.

Большому пленник засветил уже обеими ногами. Целился он, похоже, в горло, но попал в грудь, и тоже свалил на пол.

– Георгий! – крикнул пожилой, в ужасе отскакивая от стола.

Пленник стоял на одной ноге, занеся вторую над лицом Большого.

– Веревку! – прошипел он. – Руки!

– Георгий, вы нас не так поняли! – взмолился пожилой. – Мы ваши друзья!

– Не трожь Сан Сеича, гад! – с трудом выдохнул Большой, глядя круглыми глазами в зависшую над своим носом подошву.

– Лежать! Из-у-р-родую! Режь веревку, ты... Сан Сеич!

– Сейчас, – покорно сказал пожилой.

Из-под стола доносились звуки, как будто там орудовали ручной клизмой. Это Цыган пытался набрать в легкие воздуха.

– Веревка толстая, – извиняющимся тоном объяснил пожилой, вовсю работая ножницами.

– Вы кто такие... вообще? – спросил пленник, он же по мнению Сан Сеича – Георгий.

– Мы тут живем, – объяснил Большой. – Дурак, мы тебе...

– Заткнись.

– Ну и дурак. На тебя облава. Тебя убьют. А мы...

– Заткнись.

– Готово, – сказал пожилой.

Пленник нагнулся и вытащил у Большого из внутреннего кармана пистолет. Громко застонал, с видимым трудом распрямился, прижал левой рукой висок. А правой уткнул оружие стволом в затылок пожилого мужчины.

– Все могут встать, – разрешил он. – И пошли вон туда, на диван.

Большой поднялся на ноги, испепелил пленника взглядом и ушел, куда сказали. По пути он демонстративно подобрал бездыханного Костю и аккуратно усадил его в углу.

– Тоже на диван, – распорядился пленник. Уже бывший пленник, а теперь почти хозяин положения.

Цыган на четвереньках выполз на середину комнаты. Дышал он так мучительно, будто вот-вот отдаст концы.

– Ты! – прикрикнул на него пленник. – Медленно достань свою пушку – и под стол ее. Эй, здоровый! То же самое с твоим приятелем.

Цыган вытащил из-за пояса большой никелированный пистолет, секунду подумал, швырнул его под ноги врагу и уполз к дивану.

Большой достал пистолет Кости и взвесил его в огромной лапе.

– Дурак ты, – в очередной раз сказал он, бросая оружие через комнату под стол.

– Это вы дураки, – сообщил пленник. – Так. Сан Сеич, на колени. На колени! Вот, отлично.

Он уселся на стол, критически оглядел Сан Сеича и сказал:

– А теперь будьте добры, сударь, разиньте пасть.

– Что? – удивился Сан Сеич.

– Рот откройте! Александр Алексеевич?

– Да.

– Ну вот и открывайте.

Сан Сеич покорно открыл рот, и в нем тут же оказался ствол пистолета.

– Вы поняли мою идею... Мальчики? – ласково спросил молодой человек у собравшейся на диване компании. – Ну и отличненько.

Он нагнулся, свободной рукой взял из-под ног пистолет Цыгана и направил его в сторону двери, ведущей на крытый задний двор.

– Вы меня знаете, – сказал он.

– Ага, – кивнул Цыган. – Мы знаем, что ты сволочь.

Сан Сеич что-то неодобрительно промычал в адрес Цыгана.

– Правильно, – кивнул молодой человек. – Я жуткая сволочь. А еще у меня страшно болит голова. И кружится. Поэтому я очень злая сволочь. Попробуйте теперь в меня выстрелить, и узнаете, какой я мерзавец.

– На тебя облава, – повторил Большой.

– Я сам целая облава, – сказал молодой человек надменно. – Я один могу взять Тулу. Просто она мне не нужна.

– А что тебе нужно? – спросил Цыган с нескрываемым презрением.

Очухавшийся Костя принялся ворочаться, и Большой обнял его, как ребенка, чтобы с дивана не упал.

– Оставьте меня в покое – вот чего нужно, – объяснил молодой человек. – Перестаньте доставать. Что такое, в самом деле, почему я еще ни разу ни с кем не поссорился? Почему я никого не обидел, не тронул, не унизил, не втоптал в грязь его человеческое достоинство? Зато всем позарез нужно поссориться со мной. Даже вам! Я что, такой неудобный? Неправильный? Ненормальный? А?!

Сан Сеич попробовал что-то сообщить, но у него не вышло.

– Потерпи, – сказал молодой человек.

Дизель на заднем дворе умолк.

– Вы же не тупые! – чуть ли не простонал бывший пленник, разглядывая собравшуюся на диване компанию. Та дружно ела глазами висящие на стене автоматы. – Вы же люди! Почему вы со мной так... Ну за что?!

Дверь распахнулась, и в комнату вошел улыбающийся Белый. Впрочем, улыбка с его лица мгновенно спала.

– На диванчик, силь ву пле, – усмехнулся молодой человек. – А пушечку – сюда.

– У меня нет, – сказал Белый.

Молодой человек взвел одним пальцем курок пистолета, глядящего Белому в грудь.

- Там патроны – Эф-Эм-Джей? – спросил он Цыгана. – Или обычные?
- Не знаю, – сокрушенно признался Цыган. Видно было, что этим вопросом его шокировали не меньше, чем ударом в живот.
- Понятно. В общем ты, блондинчик! Эта пушка называется «Дезерт Игл». Если я правильно разглядел, конкретный экземпляр сделан под патрон «Магнум». Я сейчас с перепугу случайно нажму, и ты улетишь туда, откуда пришел, вместе с дверью. А я уже здорово напуган твоей несговорчивостью.
- У него правда нет, – сказал Большой.
- У-у... – простонал Костя, обретая дар речи.
- Это тебе за удар прикладом по голове, тульский рейнджер! – объяснил молодой человек. – Ладно, блондинчик, садись на диванчик. Будешь дергаться – увидишь, какого цвета мозги у твоего папочки.
- Скотина... – пробормотал Белый, садясь между Цыганом и Большим и закидывая ногу на ногу.
- Вот теперь мне полегчало, – сказал молодой человек, осторожно возвращая курок «Дезерт Игла» на место и убирая пистолет за пояс. – А что, братцы, сколько лет батюшке Александру Алексеевичу?
- За шестьдесят, – хмуро сказал Белый.
- Фантастика. И как вы тут с ним?...
- Вопрос повис в воздухе.
- Делаете что? – уточнил молодой человек.
- Живем мы тут, – ответил Большой.
- А почему не в Туле? Что это у вас за ранчо такое?
- Мы объездчики, – сказал Цыган. – Пасем. В город парное молоко, свежее мясо. Они нам все остальное.
- Пастухи, значит... Ковбои. И для чего эти гонки за мной, а, мальчики? Что я вам плохого сделал?
- Нам из города сообщили, что ты сюда едешь.
- И чего?! – молодой человек начал злиться. – При чем тут город? Или вы на тупых работаете? Да?!
- Они сказали, ты уже десять человек убил.
- Врут! – отрезал молодой человек. – Где мой автомат?
- У меня, – сказал Большой. – В машине.
- Видел на прикладе запылы?
- Да.
- Их тридцать два. Восемнадцать – местные. Столько жизней попросила у меня Тула. Молодых глупых жизней. Что ж, я их взял. А знаете, мальчики, за что?
- Не знаем и знать не хотим, – отрезал Белый. – Отпусти Сан Сеича, гад.
- Ой! – усмехнулся молодой человек. – А я и забыл о нем. Как дела, Сан Сеич? Живой? Ну, потерпи еще немножко. У меня к тебе масса вопросов, долгожитель ты наш. Так вот, мальчики, придется вам узнать, чего от меня захотел славный город оружейников и самоварщиков. Он захотел моей смерти. Просто так, безо всяких оснований. Я чем-то ему не понравился. И он решил меня убить. А вышло наоборот. И честное слово, я еще вернусь туда. И убью там всех. Напрасно они выжили. Зря старались.
- Костя сел прямее, держась обеими руками за живот.
- Сдается мне, парень, что ты в прошлой жизни тоже воевал, – сообщил он вполне миролюбиво.
- Сомневаюсь. Очень уж мне не нравится это дело. Противно.

– Еще один совестливый людоед нашелся, – пробормотал Цыган. – Что делать-то будем, ты, народный мститель?

– Как это что? – искренне удивился молодой человек. – Знакомиться.

– Ну ты, мужик, наглец! – усмехнулся Белый. – Отпусти Сан Сеича, я кому сказал!

– Очень вы странные ребята, – сказал молодой человек, взглядываясь в лица объездчиков так внимательно, как будто хотел запомнить их на всю жизнь.

– На себя посмотри, – огрызнулся Белый.

– Да нет, вы действительно странные. Необычные. Разве вам меня убить не хочется?

– Отпустишь Сан Сеича, тут же и убьем, – пообещал Белый.

Молодой человек посмотрел на Сан Сеича, которому, похоже, здорово надоел заткнувший глотку ствол.

– Н-да, ситуация, – пробормотал молодой человек, доставая из-за пояса «Дезерт Игл» и небрежно швыряя его в сторону дивана. Если бы Цыган вовремя не дернул головой, тяжеленная пушка расквасила бы ему нос.

– С чего вы взяли, что мое имя Георгий? – спросил молодой человек, вытаскивая пистолет у Сан Сеича изо рта.

И бросая его Большому.

– Тихо, мальчики! – выдохнул Сан Сеич.

Объездчики рванулись было к автоматам, да так и застыли. Даже Цыган, у которого «Дезерт Игл» уже был в руках, не поспешил направлять его на врага.

Большой машинально поймал оружие и задумчиво почесал стволом переносицу.

Сан Сеич шумно сглотнул, облизнул губы и поднялся с колен.

– А я вас помню, – сказал он.

– Не может быть! – жестко сказал молодой человек. Объездчики переглянулись. В этих словах не прозвучало ни злобы, ни вызова. В них было столько надежды и боли, хорошо им знакомой... Парням стало даже стыдно за то, что еще совсем недавно они воевали с этим яростным, опасным и, судя по всему, донельзя несчастным существом.

– Я вас однажды видел мельком в Туле на рынке, и сразу узнал, – объяснил Сан Сеич. – Я хотел с вами поговорить тогда, но вы как раз начали...

– Помню, не надо, – перебил молодой человек. – Это не я тогда начал. Это недоумки... Значит, Георгий? – он пошевелил губами, беззвучно проговаривая имя, будто примеряя его на себя. – Не знаю. Странное имя. Какое-то... Нерусское. Не сказал бы, что оно мне нравится. Скорее наоборот.

Объездчики со всех сторон обступили молодого человека, с интересом присматриваясь к тому, как у него идет мыслительный процесс. Они все это уже проходили. Но к сегодняшнему дню свое имя четко осознал только Костя. Цыган стал Цыганом потому что считал, что он – цыган. Масть у него была соответствующая, и говорил он с легким акцентом. Большой вообще не помнил из прошлой жизни ничегошеньки, и Сан Сеич пока не смог ему толком помочь. А Белый просто ничего вспоминать не хотел. По мнению Сан Сеича, у него окопался в сознании очень мощный блок. Видимо, Белому в подростковом возрасте пришлось несладко.

– Неужели я был каким-то Жоржем или Гошей? – бормотал молодой человек. – Ну, Егор, в крайнем случае. Только на Егора я не тяну. Егор это был Чкалов. А я кто? Джордж? Гога?! Тьфу... Гадость какая.

– Гога-то чем тебя обидел? – спросил Цыган. – Вполне серьезное имя.

– Не монтируется, – молодой человек помотал головой, понуро глядя себе под ноги.

– А фамилия Дымов вам ничего не говорит? – осторожно поинтересовался Сан Сеич.

– Час от часу не легче... – сокрушенно резюмировал молодой человек. Похоже, он совсем упал духом. Костя потихоньку снял с гвоздя автомат. По его опыту вслед за такими минутами депрессии у опасных людей возникали позывы стрелять направо и налево.

– Да не бойся ты, – сказал ему Георгий Дымов, убитый горем человек. – Я тебя уже простил.

– Думаю, мы все сможем поправить, – утешил его Сан Сеич. – Ну, если не все, то многое. У мальчиков были те же проблемы еще пару месяцев назад. Но сейчас они адаптировались, и довольно быстро восстанавливают память.

– Спасибо, доктор! – произнес Георгий весьма саркастически. – Мне вспоминать нечего. Я и так все помню. Кроме сущей ерунды – кто я, чем занимался, где жил. Ничего личного, понимаете? Ни-че-го. Георгий... Н-да. И Дымов – тоже не лучше. Эх... Сан Сеич, вы психотерапевт?

– К сожалению, нет. Я детский психиатр. Совсем другой опыт. Но все лучше, чем ничего.

– Почему вы живы, Сан Сеич?

– Видимо, я еще молодой, – невесело усмехнулся врач.

– Один раз я видел мальчика... Лет четырнадцати-пятнадцати, – сказал Георгий. – Давно. Под Тверью. Человека старше тридцати не встречал ни разу. А я довольно много ездил по стране. Удивительная картина, доктор. Выжили только молодые и сильные. Но вот что с ними стало...

– Я знаю, – кивнул Сан Сеич. – Плохо с ними.

– Не то слово... Как вы набрали... – Георгий показал глазами на объездчиков, – этих своих ковбоев?

– Им тоже не нашлось места в новом мире.

– Заметно, – согласился Георгий. – Хорошие ребята. Вы простите меня, а? Я не хотел вам доставить неприятностей, мужики, честное слово. Это у меня рефлекс такой выработался. Жить очень хочется.

– Да ладно, – ответил за всех Костя. – Что ж мы, не понимаем?

– Значит, Георгий Дымов... Нет, доктор, увольте. Не мое это имя.

– Ваше, ваше.

– Откуда вы меня знаете?

– Видел по телевизору.

– Колесо мне продырявил, – ласково сказал Большой, с умилением глядя на Георгия.

– Заткнись! – Костя пнул Большого коленом в зад. Ему пришлось для этого основательно задрать ногу.

– Мог бы и голову, – огрызнулся Георгий. – И что там про телевизор, а, Сан Сеич?

– Мне бы хотелось, чтобы вы сами вспомнили. Так будет лучше. Рискнете? Не беспокойтесь, мальчики все через это прошли и, как видите, никто не жалуется.

– Гипноз? – поморщился Георгий. – А что... Нормально. Слушайте, почему я вам верю?

– Потому что я здесь, и я живой, – улыбнулся Сан Сеич. – Потому что со мной нормальные ребята. Такие же, как вы.

Георгий крепко сжал кулаки. По лицу его пробежала короткая судорога.

– Не такие же, – тихо произнес он. – Я научился быть жестоким. А они, похоже, нет.

* * *

Ранчо Сан Сеича было в прошлой жизни частным фермерским хозяйством, отлично приспособленным к автономной жизни вдали от цивилизации. Здесь имелся прекрасно оборудованный коровник, несколько загонов для мелкой скотины, конюшня, и вдоволь крестьянской утвари. Вода шла из артезианской скважины, дизельная подстанция обеспечивала ток. Это был сущий оазис в сердце вымершей земли.

– Сколько вы тут уже? – спросил Гош у Цыгана.

Его звали Гош. Он сам придумал себе это имя, когда был еще совсем мальчишкой.

– С прошлой осени, – ответил Цыган.

Струйки молока со звоном били из-под его умелых рук в оцинкованное ведро.

– Блестяще ты это делаешь, – сказал Гош. – Профессионально.

– Захочешь – научу. Такса десять баксов. Ты спрашивай, если что, не стесняйся. Никаких проблем. Я сам здесь столько всего узнал...

– Откуда ты пришел?

– Понятия не имею. Откуда-то с запада. Большого из Тулы выгнали, Белого из Серпухова.

А Костя вроде москвич, как и ты.

– Ну, выговор у него действительно московский. А вот у тебя...

– Ты с Костей помягче, ладно? Он переживает страшно. Хуже всех. Мы как-то свыклись, а ему очень больно. Он плачет чуть ли не каждый день. Забьется в угол и ревет. Прямо сердце разрывается смотреть, как его ломает.

– Я не плакал, – сказал Гош. – Давно.

Сколько он себя помнил, ему не давали плакать. Его так отчаянно пытались уничтожить, что на слезы просто не оставалось времени.

Сначала его вышибли из Питера, где он впервые осознал себя личностью, «проснулся», как говорили выжившие. В первый же день один местный от широты души подарил ему автомат, и уже через пару часов был из этого автомата застрелен, поскольку спяну двинул Гошу в глаз и пригрозил «убить вообще, а то больно умный». Потом Гоша жутко измордовали в Новгороде, и там он тоже стрелял в ответ. После этого у него открылся дар стрелять первым, всегда чуть раньше противника. В Торжке он было прижился, но не смог удержаться и опять начал молотить языком. Там его ранили по касательной в плечо, и он не успокоился, пока не уложил всех, кого счел потенциально опасными.

Его везде ждали одни неприятности, и чем ближе он подъезжал к Москве, тем серьезнее они становились. В каждом более-менее крупном населенном пункте он наткнулся на сотню-другую отвязанных молодых людей, пьяных и вооруженных. Совершенно одинаковых.

Потерявших человеческий облик.

Вместе с памятью они утратили личность. Они превратились в зверей, готовых на все ради удовлетворения сиюминутных потребностей. Нет, они не дрались из-за банки консервов или бутылки водки – этого добра было завались. Более того, они любого готовы были принять в стаю. Любого такого же серого, безликого, обходящегося запасом в три десятка слов.

Но любого хоть чуть-чуть отличного от них ждала беда.

Они выжили, и все их усилия были направлены на то, чтобы выживать дальше. И повсеместно закон стаи – убей чужака, – всплывал откуда-то из глубин подсознания и подчинял себе остальные реакции. Тот, кто что-то помнил, раздражал их. Тот, кто помнил много, безжалостно изгонялся. А такие, как Гош, у которых структура личности сохранилась и бросалась в глаза, были обречены. У них для жизни в новом мире оказалось слишком умное лицо и осмысленный взгляд.

Самое обидное было то, что Гош все равно не помнил ничего, произошедшего с ним после четырнадцати-пятнадцати лет. Но он остался человеком – и его повсюду встречали с нескрываемым отвращением. словно чуяли: он не такой, как все.

В Москве он почти добрался до своего дома, когда дорогу ему преградила шумная банда, развлекающаяся отстрелом ворон. Он довольно ловко сыграл придурка, и его было сочли таким. Но едва он попытался от новых друзей отвязаться, чтобы продолжить свой путь, возник конфликт. Этого нельзя было делать: недоумки мигом вычислили чужого. На него устроили форменную охоту, и он чудом пробился за город. Вернулся через сутки, но его уже ждали и вышибли за кольцевую дорогу снова. И тогда что-то в нем сломалось. Гош озверел.

В Туле он с ходу открыл стрельбу поверх голов, чем весьма расположил к себе местное население. При желании он мог бы стать царьком в каком-нибудь небольшом городе, но это ему

не было нужно. Он просто завоевал право жить по-своему, убив главаря местной общины, редкостного даже по новым меркам дегенерата. Занял особняк в пригороде с водой из скважины и огромным запасом угля в подвале, выволок на улицу мумифицированные трупы хозяев, натаскал в дом еды и устроился на зиму. Периодически совершал набеги на местную библиотеку. Несколько раз отбивал атаки каких-то проезжих оболтусов. И упорно гонял с крыльца тульских девчонок, которые к нему так и липли. Их к Гошу толкал тот же инстинкт, который мужчин заставлял хвататься за оружие. Девушки бессознательно чуяли в нем личность.

Некоторые из барышень оказались на вид очень ничего, и с одной из них Гош даже попытался наладить контакт, но с тем же успехом можно было завести себе резиновую женщину. Бедняжка ничего не соображала, и ее с омерзением вытолкали за дверь. Пришлось еще разбираться с ее друзьями, которые приперлись мстить и едва не сожгли дом. Но постепенно жизнь наладилась. Город терпел отшельника-книгочея, а отшельник старался не безобразничать. Его даже перестали задирать на рынке, куда съезжались для меновой торговли немногие уцелевшие деревенские. Такие же, как горожане, безмянные дураки, они, тем не менее, сообразили, что во-первых, зимой в деревне выжить легче, а во-вторых, натуральное хозяйство вечно. Жратва в Туле рано или поздно должна была кончиться, жить на одних макаронах и консервированной дряни городским уже обрыдло, и сам по себе возник рынок, где откуда ни возьмись появлялись регулярно мясо, картошка и молоко. Гош ходил по рынку, стараясь не задавать слишком умных вопросов, и с тоской прикидывал, что мясо-то еще некоторое время будет – оно самовоспроизводится все-таки, а вот растительным продуктам скоро придет конец. Их ведь надо сажать и сеять, а деревенских выжило слишком мало, и с мозгами у них худо.

Он привычно думал и сопоставлял. И к весне, когда его погнали-таки из Тулы, он уже более или менее определил критерии, по которым действовал истребивший его земляков вирус.

В том, что это был именно вирус, Гош не сомневался.

Откуда он вырвался на свободу, Гош тоже подозревал.

У него был разум подростка, но мощный, аналитический, въедливый. А память хранила массу разрозненных данных. Он помнил такие вещи, о существовании которых окружающие даже не подозревали. Но в то же время для него оставались тайной за семью печатями как собственное имя, так и профессия, семейное положение, образование – короче говоря, все сугубо личное. Он был дьявольски одинок. И ждал тепла, чтобы потихоньку незаметно проползти в Москву. Забраться в квартиру, где жил когда-то с родителями и откопать там что-нибудь меморабельное.

Он помнил в деталях фильм, где прозвучало это слово – «меморабельное». Синхронист не стал его переводить на русский, а просто создал на ходу англицизм. Трогательная история о женщине, страдающей временной амнезией. Она тоже искала старые фотографии, документы...

Это была комедия.

* * *

– Обьездчики, по коням! – радостно заорал Цыган. – Погнали!

– Регуляторы, в седло... – пробормотал Гош. – Ты у нас будешь Чавес. А Костя... Вильям Бонни, он же Робертс, он же Билли Кид. Вполне. Блондинчик потянет на Дока. А кто тогда Большой? Забыл, кто же там еще был в этой банде. Ну и моя скромная персона. Георгий Дымов в роли примкнувшего к ним Пэтрика Флойда Гаррета. Тьфу!

– Не скучай, Гош! – крикнул, обернувшись на скаку, Цыган. – Вспоминай!

– Ага, – кивнул Гош. – Размечтался...

Он закрыл ворота и направился к дому. Удаляющееся стадо блеяло и мычало на разные голоса. Обьездчики визжали и улюлюкали. Только стрельбы в воздух не хватало для полного счастья.

Гош представил себе, какую титаническую работу провернули обьездчики на этой ферме, и вздохнул. Очистить стойла от многопудовых трупов, потом отловить по полям ту немногую скотину, которая на момент гибели хозяев оказалась на воле и успела уже порядком одичать... Если бы не руководящая сила в лице Сан Сеича, черта с два мертвая ферма превратилась бы в ухоженное ранчо. Требующее ежедневного кропотливого труда. Гош откуда-то знал, как тяжела крестьянская работа, даже такая с виду развеселая, как мясо-молочное животноводство на фронтире. А фронтир, увы, проходил буквально у Гоша под ногами. По словам обьездчиков, пока на ранчо налетали местные агрессивные индейцы, все было ничего. Пуля в задницу – и никаких проблем. Куда неприятнее оказались городские вымогатели, которые по весне начали прибирать округу к рукам. Сначала они принялись диктовать цены на рынке, а потом взялись за ненавязчивый рэкет. То, что городские не совались на территорию ранчо, еженедельно обходилось Сан Сеичу в одного барана и флягу молока. Овечье стадо таяло на глазах. И вместе с ним, говорили обьездчики, Сан Сеич тоже начал чахнуть.

Осознав положение дел, Гош надолго задумался. Он был на ранчо уже пятые сутки, и каждый день Сан Сеич устраивал ему сеанс комплексной терапии. Поэтому сообщение о бесчинствах городских не заставило Гоша тут же схватиться за оружие. Но разозлился он всерьез. Судя по всему, наезжали на фермеров именно те недоумки, которые выдавили Гоша из Тулы. Хотя теперь обзывать их недоумками (на ранчо предпочитали емкое слово «тупые») было бы неправильно. Что-что, а как устраиваться в этой жизни, верхушка тульской общины уже просекла. На это ей мозгов хватило.

Пару месяцев назад, под конец зимы, Гош проворонил зарождение в городе организованной силы. Он почти не высовывал носа из дому. Читал, занимался физкультурой, помногу спал и готовился к броску на столицу. А Тула не только пила, гуляла и совокуплялась, но и постепенно обретала зачатки общественного самосознания. Что выразилось в тенденции наводить порядок и устанавливать контроль.

У Гоша был АКС с кучей запилов на складном прикладе, «Моссберг» двенадцатого калибра, ТТ и вдоволь патронов. Но займей он даже тактический вертолет или, скажем, подводную лодку, все равно пятьсот человек местного населения были ему не по зубам. И когда в гости к отшельнику нагрянула хорошо вооруженная делегация, он согласился на переговоры.

– Вали отсюда, умник, – сказали ему. – Ты нас достал.

– Чем? – спросил Гош. – Ну чем я вас достал? Сижу, никого не трогаю... Шли бы вы по домам, мужики. Как потеплеет, сам уеду. Дайте хотя бы неделю.

– Нет, – сказали ему. – Вали сейчас. Пока цел.

Гош почесал в затылке. Двигаться в Москву по снегу ему не улыбалось. На рынке он услышал крайне тревожную новость. Там говорили, что в Москве народ подсобрался и учинил самооборону. То ли в столицу повадились заезжать банды из пригорода, то ли еще что, но москвичи вдруг проявили удивительную организованность, забаррикадировали дороги так, что на машине не продерешься, и по всему городу пустили моторизованные патрули. Для Гоша это означало, что двигаться к родительскому дому нужно будет ползком. То есть в первую очередь – ждать лета, потому как зима выдалась снежная, и превратиться в сосульку, прячась по сугробам, можно было запросто.

– И куда же мне валить? – поинтересовался Гош.

– Куда угодно.

– Слушайте, мужики... – начал было Гош, но его перебили.

– Ты нам не нужен, – сказали ему. – Времени тебе до утра. Потом застрелим.

«Как же они меня боятся... – подумал Гош. – Боятся, что захочу власти и перехвачу лидерство. Дурачье. Во-первых, я уже успокоился. А во-вторых – поздно. У них тут все схвачено, только они сами еще этого не понимают...»

– Хорошо, – сказал он. – Добились своего. К полудню меня не будет.

Глава делегации посмотрел на часы и весь сморщился.

– К двенадцати ноль-ноль, – объяснил Гош. – К двенадцати завтрашнего дня.

– Нет. Когда солнце встанет. И учти – мы проверим.

– Зря это вы, – от души ляпнул Гош. Пожалел, но уже не смог остановиться. – Вам надо водоснабжение наладить. Кто сообразит, как? Рации в машины поставить слабо? То-то же. Карту местности склеить не можете, а там военные склады обозначены. Топливо, оружие, боеприпасы... Кто их найдет? У вас половина девчонок с брюхом. Кто роды принимать будет? Ты, что ли?

– А что, ты?

– Я хотя бы представляю, как это делается.

– Я тебя щас замочу! – рассвирепел главарь. – Исчезни, понял?!

– Понял, – хмуро сказал Гош. – Когда встанет солнце.

– И радуйся, что не убили, – посоветовали ему на прощанье.

– Я весь в слезах, – ответил Гош, убрал оружие и захлопнул дверь.

Когда взошло солнце, он погрузил в «Лендровер» свои нехитрые пожитки и выехал за город, так и не решив еще, куда держать путь. В принципе, он рассчитывал найти приют в одном из окрестных сел. Деревенские уже почуяли, что от городских добра не жди, и могли пригреть беглеца хотя бы в знак протеста. Но все расставила по полочкам засада. Тула решила закрыть проблему раз и навсегда, убив неудобного парня, который поначалу вел себя, как крутой, а потом отчего-то расхотел быть как все.

Машину ему сначала превратили в дуршлаг, а потом окончательно разнесли из гранатомета. Если бы не лес, начинавшийся прямо у дороги, Гош вряд ли ушел бы живым. Проклиная тупых идиотов, он удрал в чащобу и долго плутал, думая, а не расплакаться ли ему. Но вместо этого замерз, обозлился и за считанные часы полностью утратил человеческое обличье, с большим трудом восстановленное за прошедшие месяцы.

Дни и ночи он старательно вытравливал из себя агрессию. Применяя немудреные психотехники, учился быть человеком. Оказалось – зря. Как он «проснулся» тем же волчонком, что и остальные, так он им и стал опять. Немного холода и голода, много опасности для жизни, и очень горькая обида. Идеальные условия, чтобы действительно стать как все.

К вечеру Гош выбрался на окраину города. Тула что-то шумно праздновала, может быть даже избавление от него, любимого. По улицам носились машины, поэтому Гош не рискнул идти дальше, а заночевал в какой-то развалюхе. Слава богу, внезапно наступила оттепель, и он не совсем закованел. Утром проверил оружие и двинулся восстанавливать справедливость, как он ее теперь понимал. То есть, не «теперь», а «снова», но без особой разницы по результатам. Просто в начале пути Гош отмечал, какие вокруг славные лица, и как они не вяжутся с кошмарным внутренним содержанием, точнее – полным его отсутствием. Тула вылечила его от желания вникать в тонкости.

Еще, наверное, повлияло то, что в прошлой жизни Гош уже бывал в этих местах, и они ему активно не понравились. С верхнего этажа редакционного комплекса, единственного двенадцатиэтажного здания в округе, Гош тогда увидел распластанный по земле городишко под тяжелым осенним свинцовым небом. Впечатление осталось жуткое. Его не исправила даже великолепная коллекция «голландцев» в музее. А удивительный оптимизм и жизнелюбие местного населения только усиливали боль от понимания: так жить нельзя. Какого черта Гош делал в Туле, память не сообщала. Она хранила только музейную живопись, обрывки разговоров и тяжкое ощущение того, что места эти прокляты. Дальше на северо-запад лежал отравленный

Новомосковск, город большой химии, где каждый пятый ребенок был от рождения болен, а каждый третий заболел потом...

Гош помотал головой, плотнее ухватил оружие и в два прыжка оказался на другой стороне улицы. Воспоминание могло и подождать. Оно все равно ничего не проясняло в том, кто он был, чем занимался, и как его звали. А вот насущная проблема кормления, моторизации и рекогносцировки не терпела отлагательства.

В неприметном гараже он отпер бронированный «Тахо». Завел двигатель, врубил на полную отопитель, вывел машину во двор от греха подальше, чтобы не угореть. Сломал банку тушенки и блаженно прикорнул чуток. Потом умылся снегом и поехал на войну.

Он терроризировал город, пока не пришли в негодность жесткие вставки в простреленных колесах. А так как стреляли местные безобразно и по колесам ему попали очень нескоро, то успел он покуражиться всласть. Отравил тульской мафии жизнь капитально. Сна лишил. Налетал, давал пару очередей, и тут же обратно. Снова налетал, снова бил, и опять скрывался. Вогнал обидчиков в трепет, потом в ужас, потом в настоящую панику. Распустились почки, запели птицы, пробивалась трава. А Гош все отводил душу. Даже сам с собой заключил пари, отгонят его от города до конца весны, или нет. И вдруг почувствовал, что устал. Жизнь научила Гоша стрелять и запугивать, но это точно было не его. Он всего лишь хотел, чтобы от него отстали. А в реальности сам превратился в ходячую проблему для окружающих.

Наступил май, неожиданно жаркий и сухой.

– Что-то я не то делаю, – сказал Гош, выводя напильником очередную метку на прикладе.

Пересел в трофейный черный «Рейндж Ровер», лихо пронесся через город, пуляя направо и налево, чтобы не рискнули догонять, и вывел машину на узкую раздолбанную местную дорогу. Обходной маневр, а то еще догадаются, что на самом деле он скоро повернет к Москве, и придумают какую-нибудь пакость на трассе. Волей-неволей Гош добился прогресса на тульской земле. В захваченной им машине уже стояла рация. К сожалению, разбитая.

Или к счастью. Если бы Гош мог слушать эфир, он не попался бы в лапы к объездчикам, которых Тула чуть ли не со слезами умоляла разобраться с проклятым умником, окончательно сошедшим с ума.

* * *

– Регуляторы, в седло! – крикнул Цыган. И захохотал.

– Кто такие регуляторы? – спросил тихонько Сан Сеич. – Мальчишки теперь себя по-другому и не называют... Что за заразную историю ты им подбросил?

– Долго объяснять, – лукаво улыбнулся Гош. – А если в двух словах – Дикий Запад.

Сан Сеич проводил взглядом удаляющееся стадо.

– Похоже, – кивнул он.

– Сюда бы пару-тройку хороших пастушьих собак... Парни делают слишком много черновой работы. Собаки могли бы помочь. Кавказские овчарки или туркмены. Если пошарить по окрестным лесам, наверняка отыщется целая стая. Только вот как к ним подступиться теперь...

– Как бы они сами к нам не подступились, – заметил Сан Сеич. – Знаешь, слава богу, хотя бы проблема диких собак перед нами не стоит. Я себе представляю, что будет, если на ферму явится банда оголодавших волкодавов...

– М-да... – буркнул Гош. – Об этом я как-то не подумал. Слушайте, доктор, а я ведь действительно не видел ни одной серьезной псины. Так, шавки по улицам бродят... Ну конечно же! Обида какая...

– Что такое?

– Я, кажется, знаю, куда в городах подевались все более или менее опасные собаки. Когда они совались к людям, их отстреливали. Горожане для забавы лупят все, что движется. У них просто какая-то неумная страсть к пальбе.

– Подростки, – вздохнул Сан Сеич. – И к тому же круглые сироты. Могут быть опаснее зверей.

– И это говорит специалист по работе с детьми?

– Вот потому и говорю, что специалист.

– Ладно, доктор. Скажите что-нибудь хорошее относительно взрослому человеку.

– Шевели мозгами, – посоветовал доктор. – Как можно больше думай. И все наладится.

– Думать – мое любимое занятие. Жаль, не умею стоять на голове. Только в такой позиции и думал бы. Принудительно усиливая кровоснабжение серого вещества... Слушайте, док, когда вы мне расскажете, кто я такой? Сколько можно играть в молчанку?

– Потерпи, Гоша, – попросил Сан Сеич. – Я боюсь все испортить. Ты можешь сам. И поверь, так будет гораздо лучше.

Гош скрипнул зубами и отвернулся.

– Извини, – сказал доктор очень кротко.

– Дано: профессионально тренированная память. Гибкий мощный интеллект. Определенная известность. Могу собой гордиться, а? Чем же я занимался... Ох, доктор, жестокий вы человек.

Сан Сеич что-то неразборчиво пробормотал.

– Журналист? – строил догадки Гош. – Нет, это мы уже забраковали. Для репортера я ленив, для комментатора молод. Функционер какой-нибудь? И чего именно функционер... Аналитик? Как же, фондового рынка... Знаете, что такое фондовый рынок, а, доктор? Я про это много читал, но толком все равно не понял. Расскажу как-нибудь. Да... Что я мог анализировать, да так, чтобы меня знал в лицо провинциальный детский врач? Писатель... Сортирных стен маратель. Актер?!

– Интересная версия, – заметил Сан Сеич.

Гош так на него зыркнул, что доктор на всякий случай попятился.

– Розенкранц и Гильденстерн мертвы, – сообщил Гош весьма зловещим тоном. Он действительно начал злиться. – Режиссер-постановщик Том Стоппард. В ролях Гэри Олдмен, Тим Рот, Ричард Дрейфус. Я покупал кассету на Новом Арбате. Помню, как сейчас... – тут он осекся и безумным взглядом уставился в никуда.

Сан Сеич подался вперед, стараясь не дышать. Гош сейчас выглядел как человек, счастливо переживший удар молнии в череп, но еще не свыкшийся с мыслью, что остался жив-здоров.

– Я совершенно не разбирался в футболе, – пробормотал он. – Считалось, что это недостаток. Все мужики были помешаны на футболе. Делали очень много вопросов... Не понимаю.

– Что ты не понимаешь? – быстро спросил доктор.

– Улица Новый Арбат – допустим... Бывший Калининский проспект. Представляете, его переименовали. Но, может, я видел это название в газетных подшивках за девяностые годы. Неважно. А вот кто делает вопросы, доктор? Вопросы обычно задают. А люди, с которыми я общался, их делали.

– Какие вопросы? – подбросил идею Сан Сеич. Заметно было, что внутренне он ликует, но старается держать себя в узде.

– Вопрос можно взять, а можно слить. Есть паленые вопросы... Паленый вопрос – это стыдно. А я делал вопросы? Конечно. Только я это не любил. Были профессионалы. А я... Не уходите, Сан Сеич. Побудьте со мной. Пациент сейчас завоет.

– Радоваться надо, – не согласился с пациентом Сан Сеич. – Дальше пойдет еще лучше. Погоди, это только начало.

– Хорошо бы, – честно признался Гош. – Ох, Сан Сеич, вы не представляете, как мне страшно.

– Всем страшно. Все боятся этого, Гоша. Посмотри на Белого, у него от одной мысли, что он может однажды вспомнить все, едва судороги не делаются. Но ему, похоже, есть, чего бояться в своем прошлом. А тебе...

– А если и мне есть, чего бояться, доктор? Знаете, иногда мне кажется, что мы недаром все забыли. Мы совершили что-то настолько чудовищное, что предпочли стереть память...

– К сожалению, нет. Вы как раз ничего не совершили. Я уверен, что это сделали не вы, а мы.

Гош обернулся к пожилому мужчине и посмотрел на него с легкой укоризной.

– Хорошо сказано, – признал он. – Мне нравится это «мы». Но только как пострадавшему. А как просто человеку... Мне, наверное, уже тридцать. Или даже больше. Не мальчик. Значит, я тоже несу часть ответственности. Это был какой-то боевой вирус, да, Сан Сеич? Или отравляющее вещество. Нет, скорее вирус. Хотя я понятия не имею, как можно создать такую фантастическую заразу. Но судя по всему, ее создали. А что вышло потом? Это была ошибка? Утечка? Или на нас напали?

Сан Сеич тяжело вздохнул.

– Я думаю – утечка, – сказал он. – В противном случае здесь сейчас была бы не одичавшая Россия, а вполне культурный невольничий рынок. Персонал для обслуживания нефтяных скважин и трубопроводов. наших собственных... Эта, как ты правильно сказал, зараза, действует с редкой избирательностью. Ты не пробовал выделить критерии?

Гош достал сигареты и привычно сунул пачку собеседнику. Доктор так же привычно отмахнулся.

– Молодые и сильные, – промычал Гош, закуривая. – Эти придурки городские, которые меня ненавидят, они в прошлой жизни не были придурками. Это были самые что ни на есть русские яппи. Молодые профессионалы. Умные, образованные, состоявшиеся. Я это вижу по лицам. Кое-что заметно из манер. Двигательная память сохранилась в полном объеме, и по тому, как эти люди держат вилку, можно сказать очень многое... Страшное дело, Сан Сеич. Просто страшное. Я вам скажу, кто выжил. Тот, кто был физически здоров. А кто был здоров в этой стране?

– Иммунитет, – подсказал Сан Сеич.

– Точно, иммунитет. Выжил тот, кто в последние годы хорошо питался, занимался спортом и витамины принимал. Тот, кто на момент поражения не был в запое и не жрал наркоту. Этот вирус, или как его там, выбил в первую очередь группы риска. И еще – судя по моим наблюдениям, он уничтожил непобедимую Советскую Армию.

– Российскую, – поправил Сан Сеич.

Гош невольно поежился.

– Вы не представляете, какой это был для меня шок, – признался он. – Я прочел за зиму кучу периодики. Хорошо, я откуда-то знал, что самые лучшие подшивки хранятся в редакциях. Видимо, баловался журналистикой в юности. Все мои знания о независимой России – из газет. На самом деле я не помню ничегошеньки. Хотя уверенно обращаюсь с новейшей техникой... Но кое-какие ощущения мне удалось разбудить чтением прессы. И поголовная гибель солдат меня не удивляет. Там было очень плохо с кормежкой. Я другого не понимаю... Где ваши сверстники, доктор? Простите меня, конечно, но разве может быть такое, что вы единственный на всю мою родину абсолютно здоровый взрослый человек? Ладно, Сан Сеич. Извините. Я этого не говорил.

– Ничего, Гоша... Я сам задаюсь этим вопросом каждый день. Могу спросить в ответ – а где дети? Тот подросток, которого ты видел, он ведь тоже был единственный.

– Если это вирус, – сказал Гош с тяжелым вздохом, – его придумал величайший гений. Хотел бы я посмотреть, как моя пуля разнесет его гениальную башку. Невольничий рынок, говорите? И нефтяные вышки? Что ж, очень похоже на правду. Банановая республика, только без проблем, обычно свойственных банановым республикам. Чисто и красиво. Сволочи.

– Ты можешь взять Тулу без единого выстрела, – неожиданно заявил доктор.

Гош тряхнул головой, стараясь быстрее переключиться.

– Идиот, – сказал доктор, имея в виду, скорее всего, свою несдержанность.

– Дайте методику! – потребовал Гош.

– Нет! – отрезал Сан Сеич.

– Дайте! – почти крикнул Гош.

– Извини, – помотал головой Сан Сеич. – Это ты виноват. Ты успел за последние дни буквально приручить меня. Ты прирожденный лидер, Гоша. И именно поэтому... Извини. Я сорвался, потому что меня переполняет сострадание и желание помочь. Я не дам тебе методику.

Гош яростно зашипел и с размаху вогнал сигарету в грязь под ногами.

– Во-первых, я ее едва-едва нащупал, – сказал доктор извиняющимся тоном. – А во-вторых, мне страшно подумать, что будет, если она в моей голове оформится до конца. Это окажется самый жуткий инструмент порабощения за всю историю человечества. Страшнее легендарного психотронного оружия.

– У вероятного противника эта методика есть, – заметил Гош. – Зачем ему вирус без методики?

– Она у него была, – поправил Сан Сеич. – Я думаю, у вероятного противника неприятности покруче наших.

– Судя по газетам, они жили во сто крат более сыто. А газеты за годы так называемой «перестройки» научились не врать про границу.

– Неважно, как они питались, – невесело усмехнулся Сан Сеич. – Зато трудно придумать страну, более приспособленную к выживанию в нынешних условиях, чем Россия. Средний американец, европеец, японец – раб высоких технологий. Без них он просто обречен.

– Ближний Восток, – напомнил Гош.

– Сомневаюсь. Мы сильнее всех.

– Ага... Мы сильные, мы русские, мы победим.

– Без сомнения.

– Это цитата, – сказал Гош с плохо скрываемым отвращением. – Патриотический стих девятьсот четырнадцатого года. Проклятье, док, ну где у пострадавших кнопка, а? Повышенная внушаемость? Почему тогда они меня не слушаются, прирожденного лидера? Дайте же ключ!

– Регуляторы, в седло, – напомнил Сан Сеич. – Тебя слушаются. Ты просто сам не хочешь заметить, как.

– Я убеждал тупых. Упрашивал. Давил на них. Стрелял в них. Без толку.

– Регуляторы, в седло, – повторил Сан Сеич. – Кто такие?...

– Не скажу, – отрезал Гош, сплюнул под ноги, круто повернулся и ушел в дом.

* * *

– ...и насколько я понял, жизнь как раз начала более-менее налаживаться, – закончил Гош. – Только вы учтите, парни, я за что купил, за то и продаю. Газеты. Обидно – я сделал неплохой конспект, целую тетрадищу исписал на девяносто шесть листов. Новейший Завет получился, мягко говоря. Всемирная история последних лет человечества. И тоже впустую. Когда тупые меня в лесу зажали, сами понимаете, было не до барахла. Спасибо хоть автомат с собой уволок.

– Надо же – безработица! – высказался Цыган. – Демонстрации протеста...

– Танки в городе, – напомнил Костя. – Хорошо зажили, ничего не скажешь. И сколько эта бодяга продолжалась?

– По моим прикидкам, лет пятнадцать. Мои воспоминания четко застопорились на восемьдесят седьмом году. А сейчас на дворе приблизительно две тысячи первый. Или второй.

– Значит, нам где-то около тридцати, – резюмировал Цыган. – Обидно. Полжизни коту под хвост. Знаешь, Гоша, я тебе поначалу завидовал, а теперь прямо и не знаю. Есть такое ощущение, что я гораздо счастливее тебя. Извини, конечно...

– А есть некоторые гораздо счастливее нас, – подал голос Белый.

– Это ты о ком? – спросил Цыган подозрительно. – Думаешь, найдется кто-то и с активным сознанием, и с полным объемом памяти? Так ему вообще...

– Ты не понял, – коротко остановил его размышления Белый и отвернулся к стене.

– А-а... – кивнул Цыган. – Ты про тупых. Да, я не понял. Ваше мнение, Сан Сеич?

Пожилый мужчина отнял ладонь от лица. Он прикрыл глаза, как только Гош дошел в своем рассказе до начала девяностых, и так до самого конца и присидел.

– Ну, в принципе... – начал он, закашлялся и снова надолго умолк. Белый налил ему воды. Сан Сеич благодарно кивнул, сделал несколько глотков, отставил стакан в сторону и о чем-то задумался. Обездчки и Гош безмолвно ждали. – В принципе, мои выкладки подтверждаются. У Георгия память сопротивляется попыткам шагнуть дальше четырнадцати лет. Как раз тот период, когда в жизни человека начинаются первые серьезные потрясения. У меня, не знаю уж почему, какой-то мощный шок приходится на вторую половину восьмидесятых годов, то есть, мне уже было далеко за сорок... Теперь, после Гошиного рассказа, я догадываюсь, в чем дело. Я совершенно не помню этот новый мир, который на страну обрушился. А он, похоже, действительно обрушился. И меня, наверное, очень сильно придавило. М-да...

– А меня когда придавило в таком случае? – поинтересовался Белый довольно зло. – В день рождения?

– Расслабься, брат, – посоветовал Костя. – Вокруг полно народу, который придавило еще в утробе матери. Если судить по поведению. Ох-ох-ох, что ж я маленьким не сдох...

Услышав последние слова Кости, Гош нервно дернулся. Все тут же, как по команде, повернулись к нему.

– Зацепило, – оценил молчавший до этого Большой.

– Ребята! – сказал Костя очень строго. – Знаменитым поэтом я не был точно.

– Но кто-то ведь был! – заметил Цыган.

– Это что, по-твоему, стихи?

– Не стихи, а как его...

– Чадушка, – подсказал Сан Сеич. – Мальчики, а не почитать ли нам на ночь вслух? Как вы думаете, осилим страниц десять Фенимора Купера?

– Вполне, – оживился Белый, встал и направился к книжному шкафу в углу гостиной. – Лучшая терапия после откровений нашего заморского гостя.

– Я не нарочно, – притворно обиделся Гош. – Сами уговорили.

– Не валяй дурака, – пробормотал Белый, роясь в книгах. – Ну, чем побалуемся? А может, не Купера? Надоело. Очень уж там все на нашу жизнь смахивает. Давайте полегче. Доктор Белый рекомендует что-нибудь успокаивающее. И по возможности познавательное.

– Блюму Вульфовну Зейгарник, – скромно посоветовал Гош.

У Цыгана, Кости и Большого поотпадали челюсти, причем у Большого – с хрустом.

– Чего? – не расслышал Белый.

– Есть такая роскошная книга, – объяснил Гош. – Учебное пособие. Называется «Пато-психология». А автор – Зейгарник Блюма Вульфовна.

Объездчики начали ржать. Они хохотали, будто в жизни не слышали ничего смешнее. В принципе, так оно и было. Слышать-то они наверняка слышали, а вот помнить не могли.

– Блюма Вульфовна! – патетически возопил Цыган, вздевая руки к потолку. Задохнулся и, не в силах больше смеяться, принялся надрывно стенать.

Костя выпал из кресла. Большой ревел в три ручья. Белый вдруг резко посуровел, утерся рукавом, и сказал:

– Не верю.

– Подумаешь! – сказал Гош. – Людей еще и не так называли. Хорошо, когда человеку хватает сил носить заковыристое имечко, словно орден. А если тебя в детстве из-за него затравят – все, конец света. И вообще, полно людей, которые не в силах отождествить себя с именем. У нас во дворе ошивалось две Леси, одна из которых была Лариса, а другая вообще Ольга, и еще одна Полина, которая тоже была Ольга на самом деле. И где-то, я точно помню, был парень, который себя называл Петя, а потом выяснилось, что он по паспорту Стас. О проблеме самоидентификации целые книги написаны.

Белый стоял к Гошу спиной, поигрывая дверцей шкафа. Остальные трое объездчиков, утирая слезы, продолжали сдавленно хихикать.

– Имена, – сообщил Белый кому-то, кто прятался среди книг в шкафу. – И-ме-на, – он вытащил приглянувшийся том и взвесил его на ладони. – Поверь мне, Гош, ты ошибаешься. Нет на свете кучи людей с проблемой имени. Больше нет.

– А я?! – через силу возмущился Большой. – Думаешь, мне нравится ходить в Больших?

– А ты что, Мелкий, что ли?! – прохотал Цыган.

– Вот как дам сейчас! По шее!

Белый нашел силы оторваться от шкафа и повернуться к гостиней лицом. Оказалось это лицо совсем не веселое.

– Знаешь, Гош, – сказал он негромко. – Знаешь, чего я боюсь давно и упорно? С того момента, как тебя увидел. Нет, ты ни в чем не виноват, конечно. Но как бы ты не принес в этот дом беду.

– Эй, Регуляторы! – позвал вдруг Костя. – А куда это Сан Сеич исчез?

– Плачет на заднем дворе, – сказал Гош очень жестко. Он сидел, неестественно выпрямившись, оперев руки в бока, и глазами ел Белого.

– Не придуривайся! – рыкнул на него Белый. – Тебе же снизили агрессию, разве нет? И подняли критику. Знаешь, чего тебе не хватает? Попроси Сан Сеича, чтобы на завтрашнем сеансе немножко опустил тебе самооценку. Понял?! Никто тебя не обижал, ты! И не собирался даже! Я просто честно сказал!... И теперь ты знаешь, что я думаю! Не о тебе, ясно?! Не-о-те-бе! А обо всей этой безумной жизни!

– А я, значит, самое плохое, что в этой жизни есть, – негромко, но с угрозой заметил Гош.

– Нет, друг мой Гошка, ты не самое плохое. Но ты самое опасное.

– Да почему же?! – искренне расстроился Гош. Видно было, что он уже не злится, а именно расстраивается. Только очень уж агрессивно это у него получалось.

– Потому что мы живем этой жизнью, – объяснил Белый, тоже немного успокаиваясь. – А ты в нее играешь. Балуешься. Ты уверен, что она пройдет, как сон. И значит, можно пока немного развлечься. Заодно – поиграть на нервах четверых молодых идиотов и одного старого дурака... А я тебе говорю – не пройдет эта жизнь! И она еще тебя поставит на четвереньки, может, даже похуже, чем нас. Это я так... Не пугаю. И в мыслях нет. Я просто очень хочу, чтобы ты очнулся по-настоящему. Так, как мы.

– Жизнь есть сон, – ухмыльнулся Гош. – Кальдерон. Н-да. Я в нокауте.

– Пирамидон, – срифмовал Цыган. – Что такое?

В наступившей тишине раздался характерный клацающий звук. Четверо обернулись на него резко, как ужаленные. Костя ловко провернул свой «Макаров» на пальце и убрал в наплечную кобуру.

– Сдурел?! – в глубоком изумлении спросил Белый.

– Я в потолок собирался, – объяснил Костя. – В случае чего. Так, для отрезвляющего эффекта.

– Если ты в прошлой жизни действительно воевал, – сообщил Белый, – то армию твою били все, кому не лень.

– Остынь, а? – попросил Костя. – Ты бы себя видел минуту назад. Я думал, сейчас на самом деле война начнется.

– Ни малейшего шанса, – отрезал Белый. – Я себя контролирую. Я просто за Сан Сеича обиделся.

– Почему? – удивился Костя. – Мало ли, зачем он ушел... Может, еще вернется.

– Пирамидон – это таблетки, – вступил Гош невпопад, но примирительным тоном. – Кажется, анальгетик, то есть, от боли. А Кальдерон – это такой очень старый европейский автор, прославившийся небольшой пьесой с символическим названием «Жизнь есть сон». Вот. Если кто-то хочет послушать лекцию про анальгетики – милости прошу. Ну и что, мне теперь застрелиться? Белый, ну как ты не можешь понять...

– Блюма Вульфовна, – попросил Белый, – заткните фонтан. Хотя бы на время. Ну, зачем ты это сказал, дурачина? Ты что, забыл, кто такой Сан Сеич? Или ты нарочно – проверить хотел?

Гош на секунду задумался. потом глянул через плечо в сторону двери, за которой исчез пожилой мужчина. И вздохнул. Подумал о том, что вздыхает теперь ежеминутно – столько поводов для этого находится.

– Само вырвалось, – признался Гош. – У меня всегда само вырывается. У тебя – нет?

– У меня и не такое вырывается. А ты бы мог хоть немного думать прежде, чем молоть языком.

– Да может, он этой книги в принципе не читал!

– Это учебник-то? «Психопатология»?

– Не так. «Патопсихология». М-да. Нехорошо получилось. Вот обида, я ведь на самом деле хотел вам про Евлампия Феофилактовича Говно рассказать...

Объездчики коротко хохотнули, но уже без огонька. То ли Евлампий Говно показался им персонажем менее ярким, чем Блюма Вульфовна, то ли разговор подошел слишком близко к тому, что составляло главную проблему каждого.

Кроме Георгия Дымова, который, похоже, с именем своим уже свыкся.

* * *

На утренней дойке заспанный Гош работал вяло. Но на вечерней проявил усердие и неожиданно почти догнал объездчиков.

– Немного еще подучишься и обставишь любого из нас, – заверил его Цыган. – И не забывай, что старый опытный цыганский дояр всегда готов с тобой поделиться секретами мастерства. Всего за десять баксов. Молодец, Гошка. Умелые руки... – о последние два слова он запнулся языком, и на лице его вдруг заиграла мечтательная улыбка.

– Слушайте, Регуляторы! – повернулся он к объездчикам, переливающим молоко из ведер в бидоны. – Мы, конечно, не настоящие индейцы, а даже совсем наоборот. Но! Что нам стоит учинить набег на близлежащие вигвамы и умыкнуть себе по хорошенькой скво?

Большой от неожиданности чуть не уронил ведро.

– Цыган, – сказал он. – Ты не Цыган. Ты Чингачук. Ты мудр, как Великий Змей.

– Ага, как гадюка, – ехидно поддакнул ему Костя. – А пулю в голову не хочешь?

– За что? – удивился Большой.

– Где ты ее возьмешь, эту скво, так, чтобы без кровопролития? Да с тобой еще и не каждая пойдет...

– Это почему же? – на этот раз Большой даже обиделся. Ведро нехорошо задрожало в его могучей лапе.

– Потому что ты – не-нор-маль-ный! – объяснил Костя.

Большой выразительно сплюнул под ноги и снова занялся молоком.

– Забыл, – признался он. – Каждую ночь девчонки снятся. Какие – непонятно. Но очень хорошие.

– От души соболезнаю. Нереально это, брат.

– Если правильно себя повести, – сказал Цыган, – можно сойти и за нормального.

– Это на первые десять минут, – помотал головой Костя. – А потом обязательно что-нибудь не то брякнешь, или посмотришь как-нибудь не так...

– За десять минут управиться можно, – мечтательно проворковал Цыган.

– Их всех давно поделили, – сказал Костя. – Держат на коротком поводке. Как ты с ней познакомишься, хотя бы и на десять минут? На квартиру же не зайдешь – братва рога отвинтит. Рынок? Тоже сомнительно. А нас к тому же, с нашими безумными рожами, вся Тула знает.

– Зачем нам Тула? – не унимался Цыган. – К чему нам этот злобный городишко? Надо пошарить по тем местам, где мы еще не успели засветиться. Регуляторы! Даешь экспедицию! Разведку боем! По белым пятнам на карте родины!

– Новомосковск! – оживился Большой. – Заодно упрям трейлер стирального порошка!

– Кровь с простыней отстирывать!!! – взревел Цыган.

– Почему кровь? – не понял Костя.

– Георгий! – потребовал Цыган. – А ну-ка, заката Регуляторам лекцию о женской физиологии! По десять баксов с носа.

– А-а... – Костя слегка порозовел лицом. – По-моему, я об этом что-то помню.

– Я тоже, – признался Большой. – Но мало.

Гош поднялся с низкой скамеечки, на которой до этого сидел, и зачем-то пнул ее сапогом, чуть не опрокинув заодно полное молока ведро. Пестрая корова неодобрительно переступила с ноги на ногу.

– Ты чего? – спросил Цыган. – Я что-то не то сказал?

– Да нет, – соврал Гош. – Так, промелькнуло... Ерунда. Левая передняя, правая задняя, правая передняя, левая задняя... Или наоборот, с правой?...

– Это уже не женская физиология, – заметил Костя. – Так, кто у нас здесь главный по навозу? Опять я?

– В такой последовательности четвероногие перебирают лапами, – сообщил Гош, уходя в глубь коровника, будто бы за вилами. Цыган подобрал его ведро и понес к бидонам. На полпути он оглянулся. Плечи у Гоша были неестественно опущены.

– Чего-то вспомнил, – заговорщически прошептал Цыган объездчикам. – Про баб.

– Эй, Регуляторы! – крикнул из-за ворот Белый. – Вы там заснули? Помогите мне с этой косилкой, а?! Рук не хватает!

– Между прочим, кого в косилку запряжем? – задумался Цыган.

– Тебя, – сказал Костя. – Чтобы о бабах поменьше думал.

В дальнем углу коровника Гош рассматривал свои руки. Пальцы дрожали. Не от усталости, нет – от внезапно пришедшей и очень сильно ударившей по нервам догадки, что на одном из этих пальцев могло сверкать золотом кольцо. И не только у него.

Он понимал, что ему не может, не должно быть так больно от этой мысли. Как складывалась его личная жизнь, Гош совсем не представлял. Думалось даже, что это удача – не помнить такого. Но все равно, ему стало вдруг нехорошо.

* * *

– Подгоняй свой грузовик, – сказал Цыган Большому. Тот презрительно хмыкнул. Гош успел рассказать ему, какая заслуженная машина «Дефендер», и даже извиниться за испорченное колесо. Этой запаской, расположенной на капоте, Большой отчего-то страшно гордился. Видимо, ему казалось, что у настоящей машины она должна быть именно там. Иногда в Большом прорывалось обостренное и довольно своеобразное понимание эстетики. А колесо на капоте и правда сглаживало рубленые черты передка «Лендровера», делая машину чем-то похожей на самого Большого, с его слегка оплывшей, но внушительной мускулатурой.

А еще Большой в свободное время любил забраться в живописный уголок подальше от фермы и немного постоять там, оглядывая пейзаж. Обьездчики к нему с расспросами не приставали – странности в поведении людей они вполне разумно полагали отголосками прошлой жизни и попытками что-то вспомнить. Гош поначалу тоже старался не замечать, как Большой смотрит на вещи. Но вскоре не удержался, начал сопоставлять, и ему пришла на ум неожиданная догадка. Конечно, чтобы ее проверить, нужно было выбраться в город и основательно там покопаться. Гош подозревал, чего именно Большому не хватает. И дал себе зарок обязательно достать ему это нечто.

«Дефендер» задним ходом закатился во двор, в него зашвырнули тюк с мясом и бидоны с молоком.

– А мне с вами...? – спросил осторожно Гош.

– И не думай, – помотал головой Цыган. – Нас они еще терпят, а вот ты для них, братишка, хуже керосину. И потом, мы же тебя грохнули, забыл?

– Это вы поспешили, – заметил Гош. – Сказали бы лучше, что на цепь посадили и занимаетесь моим перевоспитанием... Вы этим враньем на себя же беду накличете. Сунется на ферму какой-нибудь тульский пахан, а тут я гуляю... Он вам покажет, что такое врагов народа укрывать.

– А ты спрячешься, – сказал Цыган очень строго. – Понял?

Гош неодобрительно фыркнул.

– У тебя приклад скоро отвалится, так ты его напильником изрезал, – пообещал Костя, издали прислушивавшийся к разговору. – Мало тебе, что ли? Снова пострелять охота?

– Нет, – сказал Гош, и в голосе его прорезалось нечто, похожее на смущение. – Больше уже нет. Просто...

– Значит спрячешься, – повторил Цыган.

– Нужно что-то со всем этим делать, – хмуро пробормотал Гош, сунул руки в карманы и убрел к дому.

– С чем делать? – спросил Большой у Цыгана.

– Да со всем этим, – Цыган кивнул на заваленные данью внутренности «Лендровера» и с неожиданной злостью хлопнул дверцу. – Правильно говорит. Надоело. Действительно, почему мы должны городским оброк платить, как русские монголо-татарам?!

– Потому что мы русские, – объяснил Белый, показываясь в дверях мастерской и направляясь к машине. На ходу он обтирал руки ветошью. – И русским позарез нужна бочка солярки. А эти козлы только монголо-татар к кранику и подпускают. Хочешь остаться без электричества? Нет проблем. На леднике молоко не скиснет. Но учти, керосин весь тоже у них. Будешь корову при лучине доить, как в каменном веке?

– Крепостное право обречено, – гордо заявил Цыган. Обьездчики только что прикончили учебник истории и теперь старались перещеголять друг друга вновь обретенной эрудицией. – Рано или поздно мы все равно начнем с ним бороться. Но готовиться к революции лучше загодя. Вот я и говорю – надоело...

– И вообще, – заметил Костя, – сдается мне, что мы на ранчо засиделись. Не пора ли объявить крестовый поход за справедливость, а, Регуляторы? Заодно и мир повидаем. Где моя звезда помощника шерифа?

– А Сан Сеич? – удивился Большой.

– С собой возьмем! Будет в обозе винчестеры заряжать...

Белый подошел к Косте вплотную и посмотрел ему в глаза. Костя сначала пыжился и таранился, но потом все равно отвел взгляд.

– Кто минуту назад Гошку стыдил? – напомнил Белый. – Я?

– Ему надо, – пробормотал Костя. – Сан Сеич говорит, ему надо время от времени напоминать, какой он был. Так ему больнее, но ему же и лучше.

– А тебе?

– А что мне...?

– У тебя у самого на прикладе сколько запилов?

– Я не пижон, – Костя ухмыльнулся одной стороной рта. – Мне это ни к чему.

– Ах, не пижон... Тогда кто ты, если хочешь воевать с этими детьми?

– Да почему воевать?! Просто отвадить. Показать, кто здесь старший.

– Они еще опомнятся, – мягко сказал Белый. – Потерпи. Мы все терпим. Нужно подождать еще немного, и они начнут вспоминать. А когда восстановят личности, мы же еще их и утешать будем. Вот когда придет наше время. Мы будем нужны позарез, Костя. Мы будем учить их жить по новой. Впереди очень много работы, старик. Только дождись.

– Сколько?

– Откуда ж я знаю... Год. Полтора.

– А сколько уже прошло времени?

– Сам знаешь. Год минимум, а то и два.

– Белый, – сказал Костя с такой интонацией, будто втолковывал малышу. – Очнись. Не будет нашего времени. Они не проснутся. Никогда.

Белый пожевал губу, коротко глянул на притихших Цыгана и Большого и задумчиво произнес:

– Тогда... Тогда нам тем более нужно оставаться здесь. Будущее за теми, у кого в руках хозяйство.

– Всю жизнь предлагаешь на бандитов горбатиться? – подал голос Цыган.

– Не обязательно. Мы будем искать. Найдем еще таких же, как мы. Сколотим крепкое поселение. И нормально заживем.

– Ты действительно очнись, а? Помнишь, Гошка сказал, куда подевались большие собаки? Их отстреляли. Понял, о чем я? Таких, как мы, больше нет.

– Должны быть, – убежденно сказал Белый. – Ладно, закрываем диспут. Берите стволы, поехали к монголо-татарам... Чтоб они все передохли!

* * *

Обьездчиков тормознули неподалеку от загородной бензоколонки. Там ни с того, ни с сего из легкой заставы образовался блокпост – строительные конструкции поперек дороги и бронетранспортер. Лица у сидевших на броне парней оказались знакомые, но повадки резко отличались от тех, что были еще на прошлой неделе.

– Разгружай здесь! – скомандовали объездчикам. Те хмуро вытащили из машины добро и остановились в нерешительности.

– И отваливай! – раздалась новая команда.

– Нам в город нужно, – сказал Белый. – Выменять кое-что.

– В город нельзя.

– Ну хоть до колонки, может, там осталось. У нас солярка на исходе.

– Нельзя.

– А кому можно? Вы что, рынок закрыли?

– На рынок только по пропуску.

– Чего? – изумился Белый.

– Во, – сказал охранник, вытаскивая из-за пазухи маленький кусочек голубой пластмассы. Белый присмотрелся. На карточке была надпись латинницей «VIZA», которую Белый прочесть не смог, хотя она и показалась ему смутно знакомой. В углу карточки переливалась объемная картинка с изображением то ли птицы, то ли еще чего-то с крыльями.

– Привезешь столько же, – охранник показал на сваленный в кучу провиант, – дадим пропуск. Но только до рынка. По центру кататься нельзя. И вообще по городу нельзя. Вот...

Охранник умолк, отдуваясь. Похоже, тирада далась ему с большим трудом. Он и этот-то набор слов выговорил на одном дыхании, как зазубренный урок.

– Сунешься без пропуска, на первый раз отберем машину, – добавил второй и для вящей убедительности треснул прикладом по башне. Та, словно живая, шевельнула стволами в ответ.

– И кто же эти пропуска выдумал? – тоскливо спросил Белый. Хотел добавить что-нибудь обидное, но благоразумно промолчал. «Тупые» от любой колкости взрывались мгновенно.

– Главный, – коротко ответили ему.

Белый залез в машину. Объездчики последовали его примеру, взгляды у них были острее бритвы. Большой, злобно сопя, развернул автомобиль, стараясь не глядеть в сторону охраны. Та довольно ухмылялась.

– Я насчитал шестерых, – негромко сказал Костя. – Кто больше?

– Шестеро, – кивнул Белый. – И минимум один в башне.

– Застава стоит бездарно, – Костя оглянулся на удаляющийся блокпост. – Налетать и трепать... Сколько влезет. Гоняться за нами на бэтэре они не рискнут.

– Они-то как раз и рискнут. Они же тупые, Костя.

– Хоть бы ящиков с песком на него повешали, идиоты. Все-таки подобие активной брони. Один гранатомет...

– Как ты это говоришь... «Сдается мне, в прошлой жизни я воевал»? Что такое активная броня, ты, Кутузов?

– Честно говоря, не знаю. Но ящики с песком – это вроде нее.

– А ведь перекрыли они нам кислород, братцы, – сказал невесело Цыган.

– Ерунда. Застава обходится элементарно.

– И что с того? Являешься ты на рынок без этого их пропуска, тут-то и начинается самое интересное.

– Да, ситуация...

– Чего делать будем, мужики?

Большой, до этого момента весь сосредоточившийся на дороге – наверное, чтобы не орать от злости, – неожиданно высказался:

– А Гошка-то прав. Что-то надо делать.

– Гошка, конечно, прав, – согласился Белый. – Он у нас всегда прав. Вот только он был капитально неправ, когда устроил в городе побоище Игоря Святославовича с половцами.

– Думаешь, это все из-за него? – встрепенулся Костя.

– Запросто, – вздохнул Белый. – Я же говорю – беду он приносит.

– Нет, – отрезал Большой. – Это из-за москвичей.

– Что ты имеешь в виду? – обрадовался Костя. Он терпеть не мог, когда при нем наезжали на Гоша. А Белый делал это регулярно, и всегда за глаза. Ему, признанному лидеру, видимо, совсем не нравилось, что в группе объездчиков появился второй лидер, скрытый.

– Не знаю, – признался Большой.

– А верно, – сказал Цыган. – Москвичи закрыли свой город, так почему бы и местным не сделать то же самое?

– Мы не о том рассуждаем, мужики, – поспешил сменить тему Костя. – Вы лучше прикиньте, кто придумал, что города вообще надо закрывать? Кто выдумал пропуска? Для этого по нынешним временам нужны очень живые мозги.

– И неплохой объем памяти, – заметил Цыган.

– Поймать бы гада! – выразил общее мнение Большой.

Белый привычно жевал губу. Потом он сказал:

– А неплохая идея.

– Правда? – осторожно поинтересовался Цыган.

– Правда, – кивнул Белый. – Этот тип, который выдумал пропуска, может оказаться здорово похож на нас с вами.

Некоторое время объездчики молча обдумывали услышанное.

– Но почему он тогда командует? – не согласился Цыган. – Почему он еще жив вообще?

– Значит, он нашел ключ, – вздохнул Белый. – Тот ключ, что никак не дается нам с вами.

И который не может найти Сан Сеич.

– А я думаю, Сан Сеич его давно отыскал, – пробормотал Костя. – Нет, не думаю, уверен...

– Почему?

– Потому что он каким-то образом приручил нас. вспомните, какая у нас была поначалу дикая агрессия.

Объездчики замолкли снова, на этот раз минут на пять.

– Почему же он тогда не дает его нам?! – первым не выдержал Цыган. – Чего он боится?

– Он боится закрытых городов, – веско ответил Белый. – Патрулей на улицах и пропускной системы.

* * *

Гош нашел Сан Сеича в гостиной. Тот сидел, уставившись бессмысленным взглядом в томик О'Генри, и делал вид, что читает. Лицо у Сан Сеича было красное и опухшее.

Гош, не говоря ни слова, присел рядом.

– Какая интересная здесь библиотека, – сказал он просто чтобы сказать хоть что-нибудь. – Большой романтик был этот фермер, мир праху его.

– Угу, – с трудом выдавил Сан Сеич.

Гош покосился на О'Генри и решил старика немного развлечь.

– Невольно вспомнил забавную историю... – начал было он.

– Не стоит, – попросил Сан Сеич.

– Это не из моей прошлой жизни. Из прошлой жизни книги, что у вас в руках. А дело было так. Мотают срок двое грабителей – Эл Дженнингс и Билли Райдер. Днями тачают сапоги в тюремной мастерской, а вечерами от нечего делать сочиняют приключенческий роман «Наездники прерий». И Райдер требует от Дженнингса, чтобы в каждой главе был минимум один труп, иначе роман читать не будут. А Дженнингс возражает, что тогда у них к десятой главе ни одного персонажа не останется. «Слушай, – говорит ему Райдер, – а пойдём, что ли, посоветуемся с Билли Портером. Я знаю, он тоже пишет». Являются они к Портеру, тюремному

аптекарю, такому же зеку, бывшему поделщику самого Дженнингса. Так и так, говорят, какие будут идеи? А Портер спрашивает – ребята, можно я вам свой рассказец прочту? Только что закончил. Усаживаются налетчики, и он читает им, – что бы вы думали? – «Рождественский подарок по-ковбойски». Свой первый рассказ. Вот так, Сан Сеич. Между прочим, Дженнингс все-таки стал литератором. Правда, я знаю только одну его вещь – документальную повесть о том, как будучи в бегах, он познакомился с О'Генри, потом неожиданно встретил его в тюрьме, а еще позже расхаживал с ним по Нью-Йорку.

Сан Сеич захлопнул томик.

– Дикий Запад, – произнес он задумчиво. – Молодой и жестокий мир. Вот и думай потом, что судьбы нет. Как нарочно достались ребятам в наследство именно такие книги. Купер, Кервуд, «Сердце Запада» О'Генри... Все бы отдал за хорошую энциклопедию.

– Если слегка напрячься, можно достать, – оживился Гош.

– И не думай.

– Ну хорошо, пусть не я. Пусть ребята в городе пошарят. Я им нарисую, как проехать к библиотеке. Будем надеяться, что еще цела. Тупые как-то по осени загуляли, так едва полгорода не сожгли.

– Слово-то какое дивное – «тупые»! – усмехнулся Сан Сеич. – Поверь мне, Гоша, не стоит так резко противопоставлять себя этим несчастным. Вот увидишь, когда они проснутся, им будет куда хуже, чем тебе сейчас.

– Не верю я, что они проснутся. Им так уютно в их нынешнем состоянии... Закуленный разум, стертая личность, никаких проблем. Живи и радуйся. Зависнут они в этой ипостаси до самого конца. А конец-то близок. Консервы не вечные, пахать-сеять некому. Через несколько лет мы будем за банку «Вискас» убивать.

– Это что такое?

– Еда для кошек. Не верится? Сам удивился, когда в первый раз увидел. То есть, я знал, что за границей такое есть, но чтобы и до нас докатилось... Все-таки удивительно переменялась наша родина за те полтора десятка лет, которые выпали из памяти.

– Хотел бы я пожить в эти годы... – мечтательно протянул Сан Сеич.

Гош собрался было возразить, что жили ведь, хотя и не помнят, но одернул себя. «Действительно, – понял он, – не жили. Чего не помнишь, того не было». Вздохнул и достал сигареты.

– Вздыхаем и вздыхаем, – пробормотал он, закуривая. – Что ни день, то сплошные охи и вздохи. Сан Сеич, а Сан Сеич... Я все забываю спросить – как фамилия-то ваша?

– Корсаков.

– Хм... – протянул Гош. – Знатная фамилия. Случаем не родственник?...

Он чудом успел отбить в сторону кулак Сан Сеича, метивший ему в висок. Упал с дивана вперед, перекатился и встал на одно колено, взводя курок пистолета. Ствол глядел Сан Сеичу в переносицу.

Детский психиатр, тяжело дыша, судорожно вцепился руками в диванную подушку. На оружие Гоша ему было, похоже, наплевать. Он бы и сейчас на него бросился, если бы не решил обуздать свой внезапный агрессивный импульс. Гош медленно убрал пистолет за пазуху.

– Я только сейчас вспомнил, – сказал он примирительно. – Ну простите вы меня... Что такое? Опять Блюма Вульфовна покоя не дает?

– Кто ты?! – выдохнул Сан Сеич.

– Это вас надо спросить, кто я, – заметил Гош. – Или вы все придумали? Включая имя и фамилию? А?

– Нет, – помотал головой Сан Сеич. – Но иногда мне кажется... Кто ты, Георгий?

– Да не знаю! – взорвался Гош, вскакивая на ноги. – Не помню! И нечего меня за провокатора держать! Что, старая перечница, заговор раскрыл?! Какого черта?! Кому ты нужен,

педофил несчастный, чтобы к тебе секретного агента подсылать?! Жидомасоны повсюду мерещатся?! Злые козни ЦРУ?!

– Кто-то должен был выжить, – пробормотал Сан Сеич. – Кто-то должен за всем этим ужасом стоять.

– Да я выжил, я!!! – заорал Гош, срывая глотку. – И ты! И мальчишки твои несчастные... И тупых сколько влезет! Да все мы тут тупые! И я тупой, и ты тупой! Понятия не имею, откуда мне известно про династию психиатров Корсаковых! Ну понятия не имею же!

За окном послышался шум мотора. Гош сунул руки в карманы и прошелся по комнате туда-сюда.

– Вы же меня под гипнозом обследовали, – сказал он уже нормальным тоном. – Сами знаете, что там в моей башке...

– Не уверен, – тихо отозвался Сан Сеич. – В последнее время не уверен, что знаю.

Гош внимательно поглядел на него сверху вниз.

– Что еще за заявочки? – поинтересовался он сварливо.

– Я вам не верю, Георгий, – все так же тихо, чуть ли не извиняясь, сказал пожилой мужчина.

– Это как – не верите?

– Мне кажется, что вы совсем не тот, за кого себя выдаете, – признался Сан Сеич.

Гош помотал головой, прислушиваясь к своим ощущениям.

– А знаете, – вдруг сказал он, опуская глаза, – хотелось бы. Чертовски надоело быть тем, кто я есть сейчас. Откровенно говоря, мне совсем не нравится этот человек. Почти ежедневно я вспоминаю какие-то обрывки, которые все никак не хотят сложиться в целую картину. И это меня...

Он не успел договорить. В дверь ввалились объездчики, бряцающие оружием, возбужденные и злые.

– Сан Сеич! – заорал с порога Цыган. – Вы даже не представляете...

– Тихо, мальчишки! – властно распорядился Сан Сеич. И указал пальцем в центр гостиной. Туда, где стоял Гош.

Взгляды объездчиков проследили за перстом указующим. И стволы почему-то тоже.

– Арестовать, – приказал Сан Сеич.

Три автоматных предохранителя и один пистолетный курок синхронно клацнули.

– Забрать оружие, обыскать тщательно, запереть в чулане. Запереть так, чтобы не выломал дверь. После этого все ко мне.

Объездчики с каменными лицами дружно направились к Гошу. Тот оценил ситуацию и покорно заложил руки за голову.

– Сволочь ты, – бросил он Сан Сеичу. – И дурак.

– Это ты дурак, – ответил тот. – Ты все хотел меня прощупать. А зря. Я тебя сразу вычислил. Еще в самом начале, когда ты так легко согласился на гипноз. Признаюсь, тебя очень хорошо сделали. Я так и не смог разобраться, какая тебе дана установка, и каким способом ее ввели. Но я найду, как. Обязательно найду. И тогда мы с тобой побеседуем. С настоящим тобой.

– Хорошо бы... – пробормотал Гош.

* * *

В чулане было темно, пыльно и совершенно пусто. До того, как водворить туда арестованного, объездчики не только выволокли из маленькой комнатки все барахло, но даже по совету Кости лампочку вывинтили, дабы узник ее не кокнул, чтобы осколком перепилить себе

глотку. Под тем же соусом Костя отобрал у Гоша поясной ремень – хотя вешаться в чулане было несподручно, разве что на дверной петле.

На протяжении всей этой нелепой экзекуции арестованный нагло ржал и давал полезные советы. На прощание ему вручили оцинкованное ведро с крышкой.

– А если я в нем утоплюсь? – жизнерадостно поинтересовался Гош.

Костя молча закрыл дверь. Снаружи раздался стук молотка, косяк задрожал. Гош пинком отправил ведро в угол и принялся наощупь бродить от стены к стене, дожидаясь, пока глаза не привыкнут к темноте.

– Тихо, мальчики... – бормотал он сквозь зубы. – Тихо, мальчики... Как же я раньше не догадался! Хитер Сан Сеич, параноик несчастный. Ох, хитер! За кого же он меня принял, а?

Глаза привыкать к темноте отказывались. Видимо, темнота была слишком темная. Гош старательно ощупал стены и понял, что с голыми руками отсюда не выберешься. Можно было, конечно, попробовать сломать дверь, но такое шумное дело сразу привлекло бы внимание объездчиков. Непосредственно за дверью Сан Сеич охраны не выставил, опасаясь, что Гош как-нибудь на нее воздействует. Говорить было не с кем и незачем. Оставалось ждать, теряясь в догадках. Некоторое время Гош пытался смоделировать логику пожилого шизопараноика, но задача оказалась ему не по силам. Единственное, что пришло на ум, или скорее вспомнилось – старая идея: если на тебя наехал маньяк, его можно «переманьячить». Вычислить, на чем он акцентуирован, и гнать пургу в том же направлении. Увы, в нынешней ситуации эта схема не работала. Гош мог, конечно, сыграть роль эмиссара таинственных завоевателей, но тогда от него потребуют конкретики, а насчет того, какого черта завоевателям надо, и какие они из себя, фантазия Гоша давала ощутимый сбой. Он никогда не размышлял на эту тему раньше, и не собирался задаваться такими вопросами сейчас.

Наконец, он просто не хотел играть. Он уже привык к объездчикам, проникся к ним симпатией, и валять перед ребятами ваньку было просто нечестно. Да и Сан Сеича ему было по-человечески жаль. Еще более одинокий, чем молодые выжившие, старик (хотя не такой уж он и старик) явно оказался в плену характерных для его поколения бессознательных страхов. Объездчики ничего не боялись, они только переживали утрату. А Сан Сеич именно боялся. Его постоянно мучил страх, что за приключившейся с людьми трагедией стоит нечто большее. Так его воспитала советская пропаганда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.